

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

Записки М. Леонтьева.

Часть II.

1828 года Января 13-го дня, сельцо Красное. Окончено 1829 года
Февраля 12 дня.

Отець и мать оставили меня, но
Господь воспріялъ меня.

Глава I.

Путешествие въ городъ Новогрудокъ и взглядъ на Литовскій край.

Взявъ въ Туль, губернскомъ нашемъ городъ, подорожную и имѣя
съ собою до 400 рублей денегъ пустился я на почтовыхъ Литовско-
Гродненской губерніи въ городъ Новогрудокъ, чтобы тамъ вступить
въ сословіе дѣтей Марсовыхъ. Почтовая юда была сообразна пыл-
кости лѣтъ моихъ, и я съ радостію летѣлъ съ звенищимъ колоколь-
чикомъ въ край, для меня новый, и къ людямъ, которые считались
еще тогда иностранцами. Пробѣжая города: Калугу, Юхновъ, Вязьму,
Дорогобужъ, Смоленскъ, Красный, Борисовъ и Минскъ, я любовался
ими какъ прекрасными декораціями съ быстротою предо мною откры-
вавшихся и исчезавшихъ, помни очень, что послѣдніе два города
поразили меня несходностью жителей ихъ въ видѣ, одѣяніяхъ и въ изыскѣ
съ нами русскими и немудрено, ибо я, не выѣзжая до сего никуда изъ
Россіи, не видѣлъ ничего прямо иностранного. 788 верстъ проѣхалъ
и въ пять или шесть дней и прїѣхалъ въ Новогрудокъ, благодаря
Господа, безъ всякихъ приключений, благополучно; на семъ трактѣ

отъ Борисова встрѣчалъ я офицеровъ гвардіи, несшихся въ Питеръ
послѣ геройской компаніи Аустерлицкой; они вымѣщали свое неудо-
вольствіе на французовъ надъ бѣдными поляками, стационарными смо-
трителями, бивъ ихъ нещадно на моихъ глазахъ. Замѣчу также, что
при вѣзда въ край Литовскій, отъ Краснаго верстъ на сто, начинаютъ
пространство дороги считать милями, что сначала казалось мнѣ непо-
нятно, но послѣ вразумили меня, что польская миля почти равна
нѣмецкой или 7 верстамъ нашимъ. По прїѣздѣ въ Новогрудокъ я по-
далъ просьбу къ государю о принятіи меня въ службу, чего скоро я
и надѣялся по надобности въ офицерахъ, при формирующихся теперь
новыхъ полкахъ. Городъ сей расположень на горѣ и частію на ровномъ
мѣстѣ, онъ окружень лѣсами, и строенія въ немъ всѣ деревянны
кромѣ огромныхъ католическихъ клиштеровъ или монастырей, где
тучнѣли нѣкогда праздные монахи, а теперь въ одномъ изъ нихъ
жилъ я, остановясь на квартирѣ у брата моего теперь уже покойнаго
Алексея, который здѣсь въ городѣ формировалъ тогда новый Могилевскій
полкъ, будучи шефомъ онаго въ чинѣ генераль-майора; сей огромный
монастырь принадлежалъ ордену Бернардиновъ, которые проживали здѣсь
славно, судя по расположению прекрасныхъ комнатъ, вовсе непохожихъ
на кельи, здѣсь жилъ и митрополитъ униатскій Булгакъ, съ которымъ
я и былъ знакомъ; онъ человѣкъ былъ хороший и ласковый при необ-
ходимости. Новогрудокъ городокъ небольшой, но и въ немъ есть редутъ,
въ который съѣзжалось довольно посѣтителей для пріятнаго провож-
денія времени, если бъ буйство пьяныхъ офицеровъ нашихъ не нару-
шало иногда ихъ непрітворной веселости! Мне суждено было и теперь
жить между буйствомъ сыновъ Бахуса, и я думаю, что сіи гадкие при-
мѣры научили меня тому омерзѣнію, которое, я чувствую и теперь при
видѣ пьяного человѣка. Здѣсь я провелъ время очень пріятно въ ожи-
даніи принятія меня въ службу, бывая въ редутахъ и у нѣкоторыхъ изъ
жителей, между которыми помню и теперь панину Овсянную и доктора
Вульфа. Справедливо надо сказать, что поляки умѣютъ жить весело и
веселиться. Литва вообще покрыта дремучими лѣсами и въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ большими болотами; мѣстоположеніе ея по большей части
низкое; горы изрѣдка представляются взору и тѣ больше можно назвать
малыми возвышеностями, въ Литовскихъ лѣсахъ много водится звѣрь,
между которыми замѣчательны зубры. Зубръ—зѣбръ, котораго мясо, какъ
сказывали мнѣ, очень вкусно; они цвѣтомъ бѣлые и величиною съ корову
русскую и имѣютъ бороду, похожую на козлиную. Медвѣдей здѣсь
очень много, но не черныхъ; ихъ ловятъ во множествѣ, и въ мѣстечкѣ
Сморгоняхъ учать ихъ писать и прочему, откуда и водятъ ихъ по
средней Россіи, собирая деньги за ихъ коверканье, отсюда наши и

дразнить поляковъ сморгонской дукаціей. Населеніе въ семъ краѣ многочисленное, но крестьяне все находятся въ бѣдѣйшемъ положеніи и во всю жизнь свою ёдять даже хлѣбъ макинный, между тѣмъ какъ ихъ паны и жиры живутъ очень богато. Во всей Литвѣ нельзѧ ничего достать иначе какъ отъ жида, у которыхъ въ рукахъ и вся торговля здѣшняго края; паны живутъ славно, ихъ замки и дома великолѣпны! Тамъ то вы не увидите ничего кромѣ золота, серебра, фарфора и дорогого хрустала; дома ихъ освѣщаются всегда воскомъ, о сальныхъ свѣчахъ они не имѣютъ понятія; ихъ ольварки, на которыхъ живутъ ихъ экономы и жиры-арендаторы прекрасны. Тутъ можно быть принату всегда хорошо. Впоследствіи, узнавъ манеръ, я во время похода всегда къ нимъ заѣжалъ и пивалъ славный кофе, который варили въ Польши превосходно, и ёдалъ легкія потравы, какъ говорятъ поляки, или вкусныя закуски. Но шагъ даѣ—и тамъ видна совершиенная пищета! Дома крестьянъ чуть не лачуги, одѣяніе ихъ вретище, однимъ словомъ, здѣсь вѣдѣ видна бѣдность въ различномъ видѣ. Характеръ поляковъ можно описать въ иѣсколькихъ словахъ: гордъ, когда имѣютъ въ немъ нужду, подаль и низокъ когда имѣеть въ насть оную, храбръ когда силенъ, но трусь, когда слабъ. Женщины ихъ бойки, умны и засковы, по обращеніе ихъ нагло и предосудительно; они могутъ быть вѣрными женами, но и въ старости кокетствуютъ. Духовенство ихъ богато, жирно и лѣниво; ёдять прекрасно, пьютъ и того лучше, имѣя богатѣйшіе погреба, въ которыхъ верѣдко найдете столѣтнєе венгерское, до котораго и все паны большие охотники. Говорятъ, однако, что все ихъ знаменитые погреба выпиты французами въ 1812 году.

Глава II.

Вторичное вступление въ службу; походъ въ Витебскъ, описание онаго. Лагерь при Двинѣ и возвращеніе въ Витебскъ.

Въ началѣ марта того же 1806-го года получены Высочайшіе приказы, которыми я принялъ въ службу чиномъ поручика съ отданиемъ старшинства и съ опредѣленіемъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ, а вмѣстѣ съ симъ получено нарии повелѣніе вступить въ городъ Витебскъ. Сіе возвратное отъ границы движеніе назначено намъ по случаю возвращеній армій нашихъ изъ подъ Аустерлица и Пруссии, и мы поступили теперь изъ резервеной арміи, въ которой мы состояли, въ 5 пѣхотную дивизію; въ сіе время бывшія инспекціи, какъ несомнѣнныя съ благоустройствомъ армій, уничтожены, а составлены

дивизіи, раздѣляемыя на три пѣхотныя и одну кавалерійскую бригады съ пристойнымъ числомъ артиллериі. По сему раздѣленію нашей 5 дивизіей назначенъ былъ командиромъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, человѣкъ умный, ученый, по непредпріимчивый, какъ впоследствіи и сіе видѣть. Полки составляющіе сію дивизію были: Сѣверскій, Калужскій, Пермскій и Могилевскій пѣхотные, 24 и 26-й Егерскіе; Польскій уланскій и Рижской драгунскій полки; артиллериі, конная рота графа Сиверса и легкихъ двѣ роты; въ сей дивизіи по полному тогдашнему комплекту состояло 13000 человѣкъ и 48 орудій артиллериі.

Походъ нашъ въ то время года, когда здѣсь начинается настоящая весна и ростопель, былъ очень затруднителенъ, а для молодыхъ рекрутъ, которыхъ мы имѣли больше 600 человѣкъ, даже гибеленъ по ихъ непривычкѣ; сихъ людей заболѣло у насъ много, а ровно и лошади подъ фурами и пороховыми ящиками очень пострадали. Съ сознаніемъ долженъ я замѣтить, что по странности распоряженій покойнаго государя мы ни одного важнаго движения кромѣ (какъ) къ шведской войнѣ не дѣлали своевременно; напримѣръ, сей походъ по предвидѣнности возвращенія заграничныхъ армій должно бы намъ предпринять въ Февралѣ, и тогда люди и лошади сохранились бы, а это не бездѣлица; будущій походъ нашъ въ Пруссію вместо Октября долженствовало бы назначить въ началѣ Сентября, чѣмъ люди и лошади сохранились бы, успѣя—состредоточясь—отдохнуть близъ границы имѣли бы ту сѣбѣжесть и бодрость, которая на войнѣ необходимы; дворъ же нашъ, руководя войною, не могъ не предвидѣть ея начала. Однимъ словомъ: удаленіе опытныхъ генераловъ и окруженіе себя молокососами дѣяло то, что Александръ I-й, начиная съ 1805 года, никакъ не поспѣвалъ заблаговременно, что и причинило гибель государству и безславіе нашему отечеству.

Сей походъ до Витебска на разстояніи 300 верстъ окончили мы въ началѣ Апрѣля и пришли туда изъ Страстной недѣли; здѣсь я вскорѣ обмундировался и уже у заутреніи на Святой недѣльѣ былъ въ военному одѣяніи; весьма меня веселившемъ, и съ которымъ я, такъ сказать, сбросилъ съ себя все бѣдствія частной моей жизни. Витебскъ очень порядочный городъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе 20000 жителей; строенія въ немъ большую частью каменные и очень хорошей архитектуры; улицы довольно широки и хорошо вымощены камнемъ, а площадь городская, можно сказать, прекрасна, будучи окружена двухэтажными домами. Сей городъ лежитъ по обоимъ берегамъ Западной Двины,

частію на горахъ, частію на ровной возвышенности; рѣка сія весною судоходна и по ней до Риги сплавляютъ разные продукты Бѣлоруссіи, отъ чего дворянство и купечество, а паче жиды, которыхъ здесь много, живутъ богато, но крестьянство не лучше въ своемъ состояніи Литовскаго и здесь также поселеніи въ награду трудовъ своихъ утоляетъ голодъ мяккимъ хлѣбомъ. Одна матушка Россія имѣть хлѣбопашцевъ въ состояніи очень хорошемъ,—если не построенія, чому причиною мѣстное беззаконіе,—то здоровой, вкусной и мирной пищи и одѣянныхъ тепло, красиво и изобильно.

Жители здѣшніе почти всѣ католики, отчего клиштеровъ и костеловъ здесь много и всѣ они пребогатые; они принадлежать орденамъ доминиканъ, бернардиновъ и іезуитовъ или точнѣе сказать игнатовцевъ, ибо учредитель ихъ былъ Игнатій Лойола, и сіи послѣдніе очень богаты; у нихъ въ кельяхъ угощаютъ богатую рукою, чому показалъ опытъ ихъ ксендзъ-каноникъ, угостивъ на Святой недѣльѣ высшихъ нашихъ чиновниковъ великолѣпно. Нашего же греко-российскаго исповѣданія здѣсь двѣ только церкви: соборъ и гарнизонная церковь; первый замѣчатель по своей огромности и богатымъ колоннамъ, а послѣдняя деревянна. Въ семъ городѣ есть и жидовская синагога деревянная; публичныи увеселенія состоять здѣсь изъ прекраснаго редута, комнаты котораго убраны богато и сада, расположеннаго на высокой горѣ, съ которой на городѣ видъ прекрасный; въ семъ саду, разбитомъ очень хорошо и украшенномъ бесѣдками, весьма тріятно подышать чистымъ нагорнымъ воздухомъ. Въ половинѣ Іюна вступили мы въ лагерь для узнанія лагерной службы; сей лагерь устроенъ былъ прекрасно на берегу Двины, и я занимался здѣсь службою, уча свою grenadierскую роту, будучи въ исходѣ Апрѣля произведенъ въ штабсъ-капитаны, и довелъ ее до совершенства. Въ половинѣ Іюля смотрѣлъ насъ генераль Корсаковъ, толь самъ, который въ 1799-мъ году потерялъ свой корпусъ при Цюрихѣ въ Швейцаріи. По окончаніи сего смотра, мы въ исходѣ Іюля возвратились въ городѣ, черезъ который проѣзжалъ въ сіе время знаменитый изгнаникъ, достойный генераль Кутузовъ, котораго лишилъ армію императоръ Александръ I-й за правду, имъ сказанную. Въ началѣ Сентября мы съ приказами получили печатный экземпляръ сенатскаго адреса государю, въ которомъ похвалия мудрость сего монарха, Сенатъ оправдывалъ войну необходимую съ Наполеономъ, бывшимъ тогда французскимъ императоромъ; сія хитрая уловка желателя поправить Аустерлицкую компанию не могла скрыться, и мы начали приготовляться къ войнѣ, которой и желали по пылкости лѣтъ своихъ. Въ 30-е сентябрь, какъ въ день именинъ моихъ я давалъ

хорошій завтракъ, на которомъ былъ и тогдашній Витебскій вице-губернаторъ почтенный Воиновъ—и во время оного получено чрезъ фельдъегера Высочайшее повелѣніе быть намъ готовыми по полученіи вторичнаго повелѣнія, черезъ 24 часа выступить изъ похода.

Глава III.

Современная политическая и военная происшествія.

Чтобы имѣть понятіе о тогдашніхъ происшествіяхъ, не безполезно будетъ взглянуть на причины неудачи первой нашей въ сіе столѣтіе компаніи противъ француза.

Безъ сомнѣнія Ульмская капитулација доселе неслыханная, гдѣ австрійскій генераль Маккъ сдалъ всю свою армію Наполеону, имѣла вліяніе на ходъ военныхъ происшествій, по чѣмъ она была главною причиной погибели нашей арміи подъ Аустерлицемъ, это должно

Русскій герой Кутузовъ вѣль 20 тысячъ русскихъ на соединеніе съ арміей австрійской и въ окрестностяхъ Браунау получаетъ извѣстіе, что безчестный Маккъ сдалъ свою армію Наполеону и что сей идетъ къ нему въ обходъ его съ 150 тысячами своихъ войскъ. Всакій, кромѣ Кутузова, въ бою испытавшаго, потерялъ бы духъ при семъ ужасномъ извѣстіи, но сей герой предпринимаетъ знаменитую ретираду къ Кремсу, что на Дунѣ, гдѣ поражаетъ корпусъ генерала Мортѣ, осмыслившійся отрѣзать путь ему. Въ сей ретирадѣ, какъ самъ Кутузовъ, такъ и безсмертный Багратіонъ и вся армія покрылась военною славою и доказали сиѣту твердость и непоколебимость русскихъ войскъ. Одному только Кутузову съ горстю героевъ можно было удержать и отразить напоръ 40 тысячнаго корпуса генерала Мюрата при Шенграбенѣ, гдѣ Багратіонъ, пробившись на штыкахъ сквозь непріятельскую пѣхоту и кавалерію, удивилъ въ самыхъ безстрашныхъ, доставивъ удержаніемъ тутъ французовъ способъ разбить Кутузову у Кремса 20 тысячнаго корпусъ генерала Мортѣ, какъ сказано о томъ выше.

Соверша сей знаменитый подвигъ, сію славную и Ксенофонтовой подобную ретираду, Кутузовъ соединился въ Моравіи съ сильнымъ корпусомъ Буксгевдена и гвардіею, получа тѣмъ въ свое начальство армію, простиравшуюся уже теперь до 60 тысячъ. Но съ симъ подкрепленіемъ прибылъ и Александръ I-й самодержецъ 28 лѣтъ! Пы-

кий по юности и неопытности государь сей вель корпуса къ Кутузову большими переходами, въ которые гвардія и всѣ войска шли съ барабаннымъ боемъ скорымъ шагомъ и въ рдахъ точно какъ на ученье, а офицеры были всѣ подъ пудрою, убираясь вседневно, какъ бы въ столицѣ и идя пышкомъ въ ридахъ своихъ отдыненій *); сіе ребяческое хвастовство, сіе ненужное изнуреніе, сіе на фанфаронствѣ основанное щегольство породило ненависть войска къ сему государю и было первою причиной паденія славы войскъ, которые въ настоящей нуждѣ, перенося всѣ тягости, умѣли сражаться и побѣждать, вида заботу о себѣ Суворова, Румянцева и другихъ своихъ полководцевъ. Александръ I-й, соединясь съ Кутузовымъ, тотчасъ рѣшился атаковать Наполеона и съ сею мыслью подвинулся впередъ къ мѣстечку Аустерлицу; мудрый Кутузовъ убѣждалъ сего государя не дѣлать наступательнаго сего движенія, представляя сколь нуженъ хотя иѣкоторый отдыхъ столь изнуреннымъ войскамъ. Но мудрый совѣтъ сей былъ пренебреженъ. Кутузовъ, получа въ ночь на 20-е ноября планъ атаки французской арміи и видя, что его не пригласили даже на совѣтъ, но не могши столь ошибочнаго дѣйствіе произвести, и чувствуя всю гибель арміи, рѣшился по любви къ отечеству остановить неопытного государя и иначе же пошелъ къ нему. Пришель въ квартиру государя, онъ требовалъ, чтобы о немъ доложили, получа же отвѣтъ, что государь почиваетъ, онъ началъ говорить громко съ намѣреніемъ разбудить его; удивленный монархъ, проснувшись отъ сего, спросилъ кто тамъ, и узнавъ, что Кутузовъ, вѣлько познать его. Рѣрий сынъ отечества, не медля, сталъ просить государя остановиться атакою до прибытия корпуса генерала Эссена, бывшаго за нѣсколько переходовъ, представлена, что Наполеонъ вдвое сильнѣе насть. Государь, вѣровавшій въ неумѣстное изреченіе Фридриха II-го, что если чего не могутъ произвести 30 тысячъ солдатъ, то того и 60 оныхъ не произведутъ, отклонилъ предложеніе Кутузова; Кутузовъ съ своей стороны убѣждалъ государя и, получа въ отвѣтъ, что провіанта нѣть и что войска изнуряются голodomъ въ ожиданіи Эссена, онъ просилъ позволенія взять все у жителей и продолжать армію, представляя, что австрійскій императоръ можетъ вознаградить край сей, будучи обязанъ своимъ достоинствомъ сохраненію сей арміи, но получа въ отвѣтъ, что мы на земль союзникъ, а не непріятелей. Кутузовъ упалъ предъ гордымъ государемъ симъ на колѣни и умолялъ его остановиться атакою, представляя невыгодность положенія даже мѣста и недостатки въ планѣ. Огорченный

* О семъ походѣ-нарадѣ сказывалъ мнѣ тогда же капитанъ Крюковъ, бывший самъ во ономъ, служа въ Фанагорійскомъ полку.

противорѣчіемъ, монархъ сказалъ Кутузову: „Михайло Иларіоновичъ, я вижу вы любите пожить!“— „О,— сказалъ поѣздѣвшій во бранахъ герой,— сегодня я говорилъ съ Вами какъ генераль, а завтра буду сражаться какъ простой солдатъ!“— и, вставши, удалился. Что чувствовалъ сей мудрый вождь, вида отверженными свои согѣты и предвидѣвшій сѫдѣствіе сраженія, а сѫдѣствію и своей славы, о томъ всякий судить можетъ. Сказываютъ, что просматривая наканунѣ еще планъ атаки Кутузовъ сказалъ: „если мы по оному сдѣляемъ шагъ впередъ, то мы погибли“. Извѣстно, что планъ сей дѣлалъ генераль Винценгероде, уроженецъ баварскій, и, когда читалъ онъ государю, то сей сказалъ окружавшимъ его: „какъ рѣка течется!“ означая тѣмъ превосходство онаго. По мнѣнію военныхъ людей главная ошибка дѣспозитера была та, что атакующія колонны не имѣли сообщенія и что кавалерія во все была въ бездѣлѣ: второю и не менѣе важную почитаютъ ту, что государь выбрилъ центральную колонну глупому, но видному собою генералу Пребышевскому, отнявъ онуу у умнаго не виднаго собою генерала Лимфена, отчего и послѣдовала главная гибель арміи въ тотъ несчастный день 20-го ноября. Но замѣтъ всѣ недостатки въ распоряженіи, должно сказать по свидѣтельству многихъ участвующихъ въ сраженіи, что при самомъ первоначальномъ движеніи, солдатами овладѣлъ до того паническій страхъ, что они при первомъ непріятельскомъ выстрѣль, бросая оружіе, бѣжали. Храбрый полковникъ Манахтинъ при всемъ своемъ мужествѣ не могъ остановить бѣжавшаго своего Новгородскаго пѣхотнаго полка; соревнователи сего достойнаго начальника генераль Миллеръ и полковникъ князь Сибирскій, покрыты, тяжкими ранами попали въ падѣніе непріятеля, но полки ихъ постыдно бѣжали. Сѫдѣствіемъ злосчастнаго сего сраженія была потеря болѣе 20 тысячъ человѣкъ и болѣе 150 орудій артиллериі. Получа сѣдѣнія о сей битвѣ, австрійскій императоръ падъ къ ногамъ счастливаго Бонапарта и заключилъ съ нимъ миръ въ Пресбургѣ: прусскій же король, ужаснувшись неслыханной дотолѣ гибели русской арміи, которую они считали арміею исполиновъ, немедленно дѣлъ повелѣніе корпусу нашему подъ командой генерала Бениткона выйти изъ Пруссіи, тѣмъ онъ соединился уже съ его арміей, готовившейся идти противъ Наполеона, и свою армію удерживать, поспѣхъ въ мирные съ нимъ сношенія. При сихъ обстоятельствахъ, разбитая наша армія изъ Моравіи бѣжала черезъ Венгрию въ Россію, куда изъ началь 1806-го года и прибыла въ самомъ разстроеннѣи состояніи. При окончаніи сей главы не могу не замѣтить геройскаго отвѣта генерала Кутузова, данного Александру I-му. Когда сей государь, получа извѣстіе послѣ сраженія, что Кутузовъ легко раненъ, то желая изъявить ему свое уваженіе послать къ

нему своего лейбъ-медика Вилле, но огорченный герой сказалъ сему любому царской: «донасите государю, что рана въ сраженіи мною полученная не опасна, но та рана, которую онъ мнѣ далъ здѣсь, (показывая на свое сердце) неизгѣчима».

Глава IV.

Первый военный походъ, сраженіе и миръ.

Пораженный ужасомъ императоръ Александръ I-й, послѣ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія, видѣ оставленнымъ себя отъ Австріи и Пруссіи, далъ повелѣніе повѣренному своему въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскому советнику Убрію заключить миръ съ Наполеономъ во что бы то ни стало. Всѣдѣствіе сихъ повелѣній Убрі подпидалъ мирный трактатъ такового содержанія, каковой побѣдителю подписать было угодно: но въ теченіе сего времени, тогда внушеніями Англіи Прусскій король, изъ послушнаго слуги Франціи восхотѣть сдѣлаться ея непріятелемъ, и Александръ I-й, успокоился, увидѣвъ, что еще армія его, столь многочисленная, можетъ выдержать новый походъ, перенесшиль свои мысли, соединясь съ Пруссіей тѣснѣшими союзомъ и возжелавъ вновь сразиться съ Наполеономъ. Среди сихъ измѣнившихся обстоятельствъ, миръ заключенный Убрі не только не ратифицированъ, но и вмѣнена ему въ вину излишняя постыдность, и будто онъ дѣйствовалъ противъ данныхъ ему наставленій, но сія постыдная ложь никого не могла обмануть, ибо вскій видѣлъ сильное желаніе государя заплатить французамъ при первой возможности за свое пораженіе. Чтобы болѣе прикрыть себя маскою желанія мира, Александръ I-й послалъ нового посла къ Наполеону,—Новосильцева, но съ требованіями, на которыхъ зарапѣзы знали, что онъ не согласится. Въ сіе время государь, зная, что большая часть Россіи не одобряетъ сей бесполезной и на единої личности основанной войны, далъ указъ сенату, въ которомъ притворяясь въ желаніи мира, но сваливъ постыдно вину на Убрі и неныгодныхъ переговорахъ, изъяснилъ, что посланъ Новосильцевъ вновь предложить самыя умѣренныя основанія мира, и что если Наполеонъ ихъ не приметъ, тогда честь Россіи требуетъ поднять оружіе, (слова, которыми обыкновенно прикрывается самолюбіе государей) для приобрѣтенія прочнаго мира. Гибкій сенатъ въ поднесенномъ адресѣ соглашался съ монархомъ, уѣриль, что всѣ готовы пролить кровь свою, если Наполеонъ осмѣлитъ не согласиться на предложенія, данныя ему государемъ; получивъ сіе сенатское уѣреніе, Александръ тотчасъ

привелъ всѣ войска свои въ движеніе и, вслѣдствіе сего, и я съ полкомъ выступилъ въ походъ изъ Витебска, 6-го октября 1806-го года.

Я не стану говорить о трудностяхъ онаго, ибо самое время года показываетъ всю тяжесть его, въ особенности же въ болотистомъ Литовскомъ краѣ, при худо устроенныхъ дорогахъ, бѣдности жителей и при сѣдованіи многочисленной арміи, ее артиллеріи, парковъ и про-чай; словомъ, мытонули въ грязи. При семъ нельзя не замѣтить того, что, веда сію войну, два честолюбца Александръ и Наполеонъ, по словамъ ихъ оба старались только о мирѣ, какъ верховномъ благѣ людей, а между тѣмъ съ пламеннымъ желаніемъ соединили всякихъ стотысячныхъ свои арміи для личнаго прославленія себя, ибо ни польза Россіи, ни Франціи не требовали сей страшной войны, потому что Пруссія еще была самостоятельнымъ между ними государствомъ, а Австрія еще имѣла силы могла ручаться за равновѣсіе системы политической, что и доказало послѣдствіе бурнаго сего периода ужасныхъ войнъ. Въ продолженіи похода 26-го октября, мы получили Высочайшее повелѣніе, что наша 5-я, 7-я, 8-я и 14-я дивизіи будуть составлять армію подъ начальствомъ генерала графа Буксгевдена и что соединеніе наше послѣдуетъ въ окрестностяхъ города Гродно, гдѣ и главная квартира нашей арміи назначена. Такимъ образомъ соверша сей трудный походъ мы въ окрестностяхъ мѣстечка Мосты, соединились въ началѣ ноября съ 14-ю дивизіею, и 20-го того же мѣсяца выступили колоннами за границу нашу. Колонну нашу составляли полки: нашъ Могилевскій, Рижскій драгунскій и батарейная рота артиллеріи графа Сиверса: слѣдуя въ семь порядкѣ, мы въ 60-ти верстахъ отъ за-границы соединились со всѣми колоннами нашей 5-й дивизіи, въ которой состояло 11800 человѣкъ съ 60 орудіями артиллеріи, продолжали движеніе свое къ берегамъ Вислы, по тогдашней прусской Польшѣ и прошли одинъ только значительный городъ Бѣлостокъ; прочие же мѣста сего нынѣшняго царства Польскаго, покрыты бѣдными деревеньками и весьма незначительными мѣстечками тамъ и сямъ разбросанными посреди болотъ и лѣсовъ продолжительныхъ.

Въ семъ походѣ впервые еще узнали биваки, ибо послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ переходовъ, на которыхъ мы почти непрестанно тащили по ужасной грязи на плечахъ солдатъ свою артиллерию и, располагаясь въ сихъ бивакахъ, гдѣ грязная земля служила намъ постелью, а небесный сводъ кровомъ, мы согрѣвали и осушали себя разводимымъ нами огнемъ, для которого ломали заборы, овины, риги, амбары и даже крыши съ домовъ и лачугъ; слѣдствіемъ сего изнур

рительного похода была довольною убыль людей изъ фронта, а новая наполеоновская выдумка лагерей безъ палатокъ и замѣна оныхъ шалашами, стоила разорительного опустошения селеній и лѣсовъ. Чѣмъ дальше подавались мы впередъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось наше продовольствіе, а съ приближеніемъ къ городу Остролянкѣ, что на рѣкѣ Наровѣ, и самый голодъ появился въ рядахъ нашихъ храбрыхъ солдатъ.

Сие бѣдствіе хотя и было слѣдствіемъ неосмотрительности нашего правительства, но напаче оно проистекало отъ тѣхъ чрезвычайныхъ событий коими исполнено было начало нашего вѣка.

Чтобы яснѣ представить себѣ картину нашего положенія, обратимъ взоръ на предшествовавшія оному происшествія. Выше сего въ 3-й главѣ сказано было, что король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, при началѣ Аустерлицкой кампаніи, принялъ нашъ 40 тысячачный корпусъ подъ начальствомъ генерала Бенигсена въ свои владѣнія съ тѣмъ, чтобы соединенно съ онимъ дѣйствовать своею арміею на Рейнѣ; по неожиданный оборотъ сей войны и нѣроломные совѣты первого королевскаго министра маркиза Лукхезини, заставили короля сего колебаться между миромъ и войной, а получа изгѣстіе о слѣдствіи Аустерлицкаго сраженія, Фридрихъ, желая выслужиться передъ счастливымъ Бонарпартомъ, выслать нашъ корпусъ изъ своихъ владѣній. Но могла ли сія слабодушная политика сдѣлать полезное для Пруссіи дѣйствие на гордую душу Наполеона? Онъ молчалъ, когда руки его были заняты Австріей, но освободясь отъ нея Пресбургскимъ миромъ, и видя въ самомъ дѣйствіи политики слабость Берлинскаго кабинета, Бонарпартъ рѣшился самъ нанести ударъ нѣфѣрной союзницѣ и цѣльствіе сего учинилъ впаденіе въ Пруссію: за симъ впаденіемъ въ исходѣ 1806-го года послѣдовало вскорѣ сраженіе при Іенѣ 14-го Октября того же 1806-го года, где Наполеонъ однимъ ударомъ сокрушилъ 150 тысячачную армію ея, которую Фридрихъ II-й основалъ на чувствѣ атеніза и чести, а не на нѣрѣ и нѣрности, и мы были свидѣтелями быстраго и ужаснаго паденія царства атеніза, гордыни человѣческою воодвигнутаго, въ семь не бываломъ доселе пораженіи, а не сраженіи; Наполеонъ взялъ иль пленъ знаменитыхъ сотрудниковъ Фридриха II-го, герцога Брауншвейгскаго и фельдмаршала Меландорфа, болѣе 8000 солдатъ и всю почти артиллерию; уцѣлѣвшій клочокъ пруссаковъ съ генералами Лестокомъ и Рюхелемъ бѣжалъ за Вислу, а генералъ графъ Калькрейтъ съ 10-ю тысячами заѣхть изъ Данцигѣ. Слѣдствіемъ іенскаго истребленія было не только паденіе арміи, но и всего королевства Пруссіи, ибо сія зна-

менитыя крѣпости сдавались Наполеону безъ выстрѣла, и онъ въ теченіи шести недѣль прошель все твореніе Фридриха II-го, явился въ началѣ декабря близъ Варшавы. Такъ погибла философская выставка героя 18-го вѣка, столъ прославленнаго философа-государя Фридриха II-го. Слѣдствіемъ сего необычайнаго и столь знаменитаго событія были и всѣ наши способы къ продовольствію со стороны Пруссіи прерваны, и мы, быть призваны сильнымъ союзникомъ къ соединенію съ его знаменитой арміей, внезапно увидали 150 тысячъ французовъ предъ собою и вмѣсто провіанта и денегъ, къ намъ посыпались ядра непріятельскія.

Такимъ образомъ, получа свѣдѣніе о истребленіи пруссаковъ, мы сдѣлали суворовскій переходъ въ 55 верстъ къ Остролянкѣ, дабы стать на линію соединенія съ корпусомъ Бенигсена, занимавшаго Варшаву, и при позывѣ Наполеона отступавшаго къ Пультуску; всѣ сія движенія простирались до 14-го Декабря 1806-го года, въ которое время прѣѣхалъ къ намъ главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Михайло Каменскій, и принялъ въ свою команду всю нашу армію, изъ корпусовъ генераловъ Бенигсена, Буксгевдена и Эссена I-го состоявшую и вмѣшившую въ себѣ 10 дивизій пѣхоты, полкъ гусаръ, драгунъ и кирасиръ съ пушками артиллерии и простиравшую до 130 тысячъ, считая въ томъ числѣ и казаковъ.—

Претерівавая, какъ сказано выше, большой недостатокъ въ нашемъ продовольствії, мы брали рожь у жителей и мололи ее солдатами въ ручныхъ жерновахъ и тѣмъ предупредили жестокій голодъ. Каменскій, прѣѣхавъ и, увидавъ наше внутреннее положеніе, бросилъ армію и уѣхалъ въ Россію. Поступокъ единственный въ автономахъ военныхъ и ни въ какомъ случаѣ иничѣмъ неизвинительный, но въ правлѣніе слабое и беспорядочное императора Александра I-го, только могущій послѣдовать. Между тѣмъ Бенигсенъ при Пультуску былъ атакованъ Наполеономъ и выдержалъ сіе сраженіе очень удачно, съ числомъ меньшимъ противъ его; мы подвинувшись къ мѣстечку Макову и слыша жестокую канонаду пребыли безъ дѣйствія, хотя весьма могли, приблизившись къ Бенигсену съ 50 тысячами свѣжаго войска, разбить въ пухъ Наполеона, не вѣданнаго о нашемъ прибытіи и тѣмъ заставили бы его ретироваться вновь за Вислу и въ столь сумрачное и грязное время года въ томъ климатѣ, и по вѣрѣйшимъ соображеніямъ онъ бы погибъ тогда же и рѣки крови человѣческой не лились бы до 1815-го года. Но нехотѣніе употребить знаменитаго Кутузова въ вожди наши, и многія другія упущенія и ошибки Александра I-го дѣлаютъ его

вивовнымъ во всѣхъ послѣдующихъ бѣствіяхъ 8 лѣтъ тяготившихъ Россію.

Итакъ скопище иѣмцевъ Бенигсенъ, Буксгевденъ и Эссенъ, оставшиесь безъ главнаго вожда, начали плутать по Польшѣ и втолкнулись въ началъ 1807-го года въ Старую Пруссію, гдѣ армія имѣла поручена команда генерала Бенигсена. Бенигсенъ не будучи русскимъ (важная неудобность), съдѣствено, не зная характера русскихъ войскъ, началъ отступать, наводя Наполеона, по словамъ его, на выгодныя для себя позиціи. Сіе непрестанное отступленіе, сей маневръ иѣмецкаго характера, отъ которого мы потеряли большое число людей и лошадей на сихъ переходахъ, усталыми и бѣжавшими полками, бывшими у насъ въ полкахъ изъ рекрутъ литовскихъ, (у насъ въ полку изъ 1300 человѣкъ выбыло изъ строя 300 человѣкъ, усталыми нашими—и бѣжавшими полками), произвели наконецъ всеобщій ропотъ и столь сильный, что главнокомандующій почелъ нужнымъ призвать въ главную свою квартиру шефовъ всѣхъ полковъ и объявить имъ, что ропотъ солдатъ слышитъ онъ и просить ихъ объявить онъ, что онъ не боится французовъ, а ведетъ армію къ твердой позиціи, гдѣ и дастъ жестокое сраженіе. Сіе уображеніе главнокомандующаго успокоило умы храбрыхъ и побѣдоносныхъ воиновъ нашихъ, готовыхъ лучше лечь на мѣстѣ, чѣмъ изнурять себя робкими ретирадами.

22-го Января 1807-го года при мѣстечкѣ Янковѣ дошло у насъ до первой перестрѣлки съ французами, 25-го при Лансбергѣ была вторая, 26-го третья при Прейсишъ-Эйлау, но уже довольно жаркая, итъ которой я видѣлъ героя князя Багратіона, командующаго нашимъ аріергардомъ, которому мы были посланы на подкрѣпленіе, и я съ grenaderскимъ батальономъ занималъ въ сей день одну деревеньку на нашемъ правомъ флангѣ, но до дѣла здѣсь не дошло, и мы отступили за городъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ и заняли высоты тамъ лежащія, построись въ ордерѣ-баталію; первая линія колоннами, а вторая линіями, и въ семъ положеніи почевали.

27-го день достопамятнѣйший въ нашей военной исторіи. Рано по утру Наполеонъ атаковалъ нашъ правый флангъ, состоящий изъ нашей 5-й и 7-й дивизій подъ командою генералъ лейтенанта Тучкова 1-го, густыми колоннами своей кавалеріи; оная бывъ допущена на полный картечный выстрѣлъ и потомъ встрѣчена нашими батареями изъ 48 орудій состоящими и командуемыми храбрымъ бастіономъ Шульманомъ, Никитиномъ и гравомъ Сиверсомъ, совершенно смята, пора-

жена и преслѣдуема ядрами. Вторую атаку произвѣаъ Наполеонъ пѣхотными колоннами, которыми, бывъ смяты равномѣрно огнемъ нашей славной артиллериіи, были преслѣданы полками нашей дивизіи Сиверсомъ и Калужскимъ; послѣ сихъ неудачныхъ атакъ Наполеонъ открылъ по насъ губительный огонь сильныхъ своихъ батарей и повелъ атаку на нашъ лѣвый флангъ, куда прибылъ въ подкрѣпленіе прусскій генералъ Лестокъ съ 10-ю тысячами своего войска. Здѣсь произошла жесточайшая битва, продолжавшаяся до самой ночи, и во время которой нашъ лѣвый флангъ иѣсколько осадилъ назадъ, будучи несравненно малочисленнѣе атакующихъ войскъ, ибо нашъ главнокомандующій видѣлъ, что нашъ флангъ, счастливо отбивъ непріятеля, стоялъ безъ дѣствія подъ губительнымъ огнемъ артиллериіи французской, ни мало не думалъ послать иѣсколько полковъ въ усиленіе нашего лѣваго фланга, но напротивъ при самомъ жестокомъ нападеніи на наши войска, непріятелемъ учиненномъ, рѣшился было отступить, но быть отъ сего удержанъ настоятельнымъ требованіемъ благоразумнаго генерала Тучкова.

Съ 11-го часа утра до самой глубокой ночи мы безъ промежутка стояли подъ жесточайшій пальбой непріятельскихъ батарей такъ, что была пословица: подъ Эйлау для труса мѣста не было. Сімъ губительнымъ огнемъ въ моей ротѣ убито 15, а ранено жалостнѣйшимъ образомъ 20 человѣкъ гренадеръ; сіи раны состояли въ оторваніи рукъ, ногъ и срыванія части череповъ и большую частію были смертельны. Въ сіе жесточайшее сраженіе, гдѣ одна храбрость даровала намъ побѣду и принудила отступить многочисленнѣю превосходящаго насъ непріятеля, я подвергался большой и неоднократной видимой опасности, изъ которыхъ милосердная десница Всемогущаго изводила меня невредимо; скажу только объ одной или двухъ: напримѣръ—изъ тысячи летѣвшихъ надо мной и взаимъ меня ядеръ, одно шло прямо въ разрѣзъ миѣ, но ударившись въ бывшій противъ меня непримѣтный почти бугурокъ, столь углубилось, что засыпалъ меня снѣгомъ и землею, не могло вылетѣть, и товарищи крайне удивились, увида меня живымъ; другое ядро, ударивъ въ пороховой ящики, убило лошадь и оторвало обѣ ноги состоявшему возлѣ меня канонириу, оторвавъ руку еще ближе ко мнѣ подавшемуся моей роты унтер-офицеру Ивану Устинову, а я остался цѣлъ. Въ сіе жесточайшее сраженіе съ нашей стороны убито и ранено 17000 человѣкъ, а съ французской также не менѣе; въ нашей арміи въ семь сраженій въ строѣ было 76000 человѣкъ и 10 тысячъ пруссаковъ, у французовъ было около 120000; пушекъ съ обѣихъ сторонъ было близъ 1600.

На другой день, то есть 28-го января, мы отступили еще до съезду къ Кенигсбергу, а французы къ Остерроде. Итакъ ясно, что сія битва для обѣихъ сторонъ бывъ истребительной, осталась однако первѣшенною. Сражалась два дня, то есть 26-го и 27-го, армія наша не имѣла куска хлѣба; 28-го и 29-го отступая къ Кенигсбергу также безъ хлѣба, мы столько потеряли людей отсталыми, что у насъ во всемъ полку осталось около 300 человѣкъ, и мы сформировавшиесь въ одинъ батальонъ, 4 знамени отправили по приказанию главнокомандующаго въ его квартиру. Въ семь положеніи 30-го января, прибывъ къ Кенигсбергу расположились мы предъ нимъ линіями на бивакахъ, на которые доставили къ намъ хлѣбъ и немногого мяса. послѣ сего, два черезъ четыре, вступили въ самый городъ, а авангардъ нашъ подвинулся къ Гейльсбергу и далѣе къ рѣкѣ Алѣ. Итакъ, послѣ 50 дневнаго стоянія на бивакахъ, мы наконецъ ощутили и комбатный воздухъ; оборвавшиесь весь, и здѣсь спилъ себѣ платье и утолиъ свой голодъ вкусными блюдами. Подлинно, военная служба есть мать нуждъ и лишений! Но и нѣй есть особеннаго рода наслажденія, которыхъ мирный гражданинъ никогда не испытаетъ; сіи то, такъ сказать, капли удовольствій въ морѣ бѣдъ и напастей увлекаютъ сыновъ войны на поле брані, куда они летятъ съ радостью, удивительною для того, кто не можетъ чувствовать той радости, того удовольствія, которое рождается въ насъ временное лишеніе всѣхъ жизненныхъ благъ при новой встречѣ съ оными.

Простоявъ въ Кенигсбергѣ дней десять мы вышли изъ оваго и вошли въ селеніе Нейендорфъ къ сторонѣ Гейльсберга, а главная наша квартира перенесена въ Бартенштейнъ. Кенигсбергъ, древняя столица герцогства Пруссіи, стоитъ на рѣкѣ Прегель при Куришъ-Гафѣ или заливе Балтійскаго моря: онъ довольно обширенъ, строеніе имѣть все каменное, по большей части въ три этажа, но замѣчательнаго ничего; торговлю производить обширную съ Литвой и Польшей и имѣть жителей болѣе 60 тысячъ.—Тогда полагали, что 10 дневное стояніе наше въ немъ и возль его принесло ему 2 миллиона рублей серебромъ. И не мудрено, ибо армія здѣсь получала свое жалованье и рациональные деньги, здѣсь его и оставила. По прошествіи уже 21-го года отъ битвы Эйлауской, я съ радостю вспоминаю необыкновенную твердость духа и теплую вѣру въ некоторыхъ изъ бывшихъ моихъ товарищъ, кроюю свою запечатлѣвшихъ любовь къ отечеству и преданность къ престолу. Изъ нихъ праворукъ моей роты Константина Бровчинскаго, бывъ пораженъ ядромъ въ бокъ, воскликнулъ: „Господи, прими духъ мой!“ и за симъ словомъ испустилъ духъ свой возль

меня. Унтеръ-офицеръ Иванъ Устиновъ, моей же роты, получа ударъ ядромъ въ правую руку, которымъ оторвало у него кисть, не только устоялъ на мѣстѣ, но весьма хладнокровно сказавъ: „этакія бестіи, теперь и перекреститься нечѣмъ!“—и пошелъ на перевязку.

Простоявъ въ Нейендорфѣ до 16-го апрѣля, въ которое время подошли къ намъ усталые и бѣжавши изъ плена непріятельскаго наши солдаты, мы сего числа выступили черезъ города Ландебергъ, Оршевъ въ городъ Цинтенъ, гдѣ и простояли по 22-е число того же мѣсяца, а въ сей день последовали черезъ Кенигсбергъ и деревни Миттельенъ и Ведитенъ въ городъ Фишгаузенъ, лежащій на берегу залива Балтійскаго моря. Здѣсь въ первый разъ увидѣть я море. Сей величественный видъ приводилъ меня изъ несколько минутъ; въ морѣ стояли англійскіе и шведскіе фрегаты, и я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на сіи плавающія крѣпости, какъ на эмблему ума человѣческаго. 25-го приблизились къ городу и крѣпости Пиллау, мы остановились въ маленькой деревенькѣ на самомъ морскомъ берегу лежащей, гдѣ на свободѣ любилъ я сидѣть на берегу и любоваться игрою волнъ, какъ изображеніемъ собственной моей жизни; и въ игрою волненія страстей людскихъ и своихъ собственныхъ, изъ пасть царскихъ брошенъ въ хижину и изъ хижины на поле брані, гдѣ скитаюсь изъ мѣста въ мѣсто и ищу, такъ сказать, смерти. Какая судьба ожидаетъ меня въ будущемъ? Гдѣ наконецъ назначено приклонить миѳ голову мою для успокоенія? Или жизнь сія все пройдетъ въ бѣдствії? Такъ думалъ я въ 1807-мъ году!—и все сіе выписывалъ изъ тогдашнихъ моихъ записокъ. Но вскорѣ сіи мирныя размышленія мои были нарушены быстротою военныхъ приготовленій, ибо 26-го числа получили мы повелѣніе, что назначающееся для морской экспедиціи и поступаемъ въ команду генерала графа Николая Каменскаго, послѣ чего, 27-го числа, и выступили мы въ городъ Пиллау, который хотя и не великъ, но многолюденъ, богатъ и слѣдственно хорошо выстроенъ. При вступленіи во оный мы слушали полковой молебень, прося Господа силь благословить насъ на новый подвигъ!

Въ семь городъ нашли мы все полки своего отряда, названнаго легучимъ отрядомъ, и который состоялъ изъ нашего Могилевскаго, Архангелогородскаго, Полоцкаго, Навагинскаго, Тобольскаго, пѣхотныхъ; 21-го Егерскаго полковъ и полка казаковъ и 66 орудій артиллеріи; число людей въ семъ отрядѣ простиравлось до 5000 по случаю большой недостачи комплекта. Съ самаго раннаго утра стали садиться на купеческие корабли для насъ приготовленные и къ 7 часамъ вечера

выбуксировались на изморье. Здесь представился для меня один из достоиннейших видовъ изъ моей жизни. 50 кораблей съ войсками были выстроены въ линію, по флангамъ которой стояло по три шведскихъ и англійскихъ фрегатовъ; вскорѣ вся сія линія снялась съ якоря по данному сигналу съ англійского фрегата, на которомъ сидѣлъ графъ Каменскій и въ чудеснѣшемъ порядкѣ на всѣхъ парусахъ пустились въ море. Единственное зреаніе, обѣ которому житель твердой земли не можетъ имѣть яснаго понятія. Едва мы тронулись, какъ зрители, коими усѣянъ былъ весь берегъ, замахали шляпами и платками, а мы прикинувшись ура, при громкой музыкѣ понеслись по гладкой поверхности зыбающейся стихіи. Я долго стоялъ на палубѣ корабля и не могъ наслаждаться сначала величественнымъ строемъ нашего флота, а потомъ неизгѣдно разительнымъ заходженіемъ солнца, отъ которого все море поперемѣнно было золотымъ, краснымъ и багровымъ; только мрачная ночь уже въ 10 часовъ вечера принудила меня сойти изъ каюту. Корабль, на которомъ я сидѣлъ съ двумя ротами, назывался „Робертъ“. Начало нашего плаванія было благополучно, ибо день былъ ясный и вечеръ прелестнѣшій; итакъ, покуда займемся взглазомъ на то куда и для чего плывемъ мы.

Выше было сказано, что прусскій генераль Калькрейтъ съ 10 тысячами послѣ Иенскаго истребленія изошелъ изъ Данцигъ; Наполеонъ приближалась къ Вислу отрядъ къ Данцигу маршала своего Лефебра съ 30 тысячными корпусомъ, повелѣвъ ему производить осаду. Съ открытиемъ весны французы начали тѣснить пруссаковъ, къ подкрепленію которыхъ сначала послалъ нашъ генераль Щербатовъ съ тремя гарнизонными батальонами, впослѣдствіи названными Бѣлостокскими полкомъ, но какъ по времени и сіе подкрепленіе оказалось малымъ, а цѣлость сей знаменитой крѣпости была необходима для военныхъ нашихъ операций, то и положено было союзными державами послать туда 10 тысячъ шведовъ, столько же англичанъ и нашихъ; и сими войсками, разбивъ маршала Лефебра, идти въ тылъ Наполеону; сообщеніе было важное, но весьма жаль, что оно осталось безъ исполненія. Всегдатніе сего то мы и назначены изъ Данцигъ, куда и направили путь свой. Судьба кажется хотѣла испытать меня всѣми опасностями, и мы въ ночь на 29-е Апрѣля потерпѣли жестокую бурю, которая развезла столь ужасное волненіе, что корабль нашъ въ наденіи своемъ казалось погружался въ бездну, изъ которой нашъ выбрасывало для того, чтобы еще глубже погрузить въ ону; такимъ образомъ бури продолжалась весь день 29-го и всю почти ночь на 30-е Апрѣля только предъ разсвѣтомъ 30-го числа оная утихла, а мы въ сей день

изошли изъ гавань Нейфорвассеръ и въ оной вышли на берегъ въ крѣпостцу сю. которая на время и вмѣстила весь нашъ отрядъ: строеніе въ ней каменное, но самое малочисленное и состоящее почти изъ однихъ казармъ. Въ сѣмъ оконченномъ нами морскомъ пути меня сильно укачало, и я жестоко мучался морскою болѣзнью, состоящую изъ круженія головы и рвоты. 1-е Мая прошло въ переговорахъ съ городомъ Данцигомъ посредствомъ телографа. 2-го мы, для сдѣлки фальшивой демонстраціи, вышли колоннами изъ крѣпости и, расположившись въ боевой порядокъ, показали себя французамъ, стоя болѣе четырехъ часовъ, послѣ чего возвратились частію въ крѣпость, а частію ставъ биваками предъ оною, но въ ночь на 3-е число съ величайшей тишиною, переправясь на паромахъ черезъ рѣку Вислу, вступили въ крѣпость Вейкесельмюндъ, занятую тремя прусскими батальонами пѣхоты съ полкомъ королевскихъ драгунъ подъ командою генерала Рембова; здесь, прилегши на площади и у валовъ крѣпостныхъ, мы немного отдохнули, съ раннимъ же разсвѣтомъ построились въ три колонны къ атакѣ и стали у воротъ, дожидались свѣта. 1-я колонна составлена была изъ 21-го Егерскаго полка и стрѣлковъ отъ всѣхъ полковъ по 60 человѣкъ съ каждаго, имѣя при себѣ взводъ пруссаковъ; число ея простирилось до 1600 человѣкъ и ею командовалъ генераль майоръ Лаптovъ; 2-я колонна была наша, составленная изъ полковъ: нашего Могилевскаго и Полоцкаго и 100 казаковъ, число ея простирилось до 1500 человѣкъ. 3-я составлена была изъ полкъ Навагинскаго, Тобольскаго и батальона Архангелогородскаго и была въ командѣ генерала Арсеньева, число ея было до 1800 человѣкъ; резервъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ: Архангелогородскаго полка и 3 прусскихъ, всего до 2000 человѣкъ.

Общи распоряженія были слѣдующія: 1-я колонна атакуетъ лѣсъ, въ лѣсѣ флангъ нашемъ лежащий и занятый непріятелемъ; вторая по очищеніи сего лѣса пойдетъ на укрѣпленій холмъ и изъ него приступомъ, откроетъ тѣмъ сообщеніе съ Данцигомъ, изъ котораго въ сіе время гарнизонъ сдѣлаетъ сильную вылазку; 3-я колонна обойдетъ лѣсъ и будетъ угрожать стрѣлкамъ правому непріятельскому флангу войскъ, въ лѣсу расположенныхъ, и подаваясь впередъ, будетъ заходить имъ въ тылъ; очистя лѣсъ, сіи обѣ колонны пойдутъ далѣе и взойдутъ подобно памъ изъ Данцигъ; но все сіи преднарѣтанія не исполнились, какъ видно будетъ ниже. И такъ раннимъ утромъ 1-я колонна атаковала лѣсъ и сначала весьма удачно, но полученнное непріятелемъ скорое подкрепленіе остановило первый ея напискъ, и огонь закинѣлъ на одинъ мѣстѣ. Въ сіе время наша колонна, вышедъ изъ крѣпости,

остановилась, прошедъ съ полверсты оть оной: въ сie мгновеніе Каменскому надлежало всю нашу колонну пустить въ лѣсъ, гдѣ сражалась 1-я и, ею удари во флангъ непріятеля, истребить его прежде его дальнѣйшаго усиленія, но вместо сего Каменскій, будучи пьянъ, въ сie время остановилъ насть, какъ сказано, на дорогѣ въ ожиданіи очищенія лѣса первой колонной; между тѣмъ Лефебръ не дремалъ, но тотчасъ началъ посыпать сильныя подкрѣпленія своимъ въ лѣсъ, а по нашей колоннѣ открылъ перекрестный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Стоя подъ симъ губительнымъ огнемъ, мы имъ служили мишенью: у насъ почти беспрестанно вырывали ядра цѣлые ряды храбрыхъ, но жадости достойныхъ нашихъ солдатъ, которые стояли неподвижно и мужествомъ своимъ изумляли англійскихъ офицеровъ, при насть бывшихъ. Между тѣмъ третья наша колонна, подойдя къ берегу мора, остановилась и стояла во все время нашего сраженія безъ всякаго дѣйствія и тѣмъ лишила насъ содѣстствія 1800 человѣкъ войска, по Каменскому ничего сего не помнилъ, будучи въ сильномъ разхмелѣ. И такихъ то людей избирали тогда изъ отдѣльные начальники, а между тѣмъ Милорадовичъ и другіе оставлены были безъ дѣйствія, и сему то непонятному оцѣненію Александра I-го обязана Россія патицѣтніемъ униженіямъ и разорительнѣмъ 1812 годомъ. Наконецъ непріятель, которому давали время на подкрѣпленіе, въ виду нашемъ къ нему подходившія, усилился, погналъ нашу колонну вонъ изъ лѣса; Каменскій, видя сie, теперь рѣшился опную подкрѣпить и то частами, посыпая изъ нашей колонны ротами. Во время сихъ нестерпимыхъ глупостей, французскій маршаль Лефебръ столько успѣлъ прислать подкрѣпленія въ сей лѣсъ, что число непріятеля возросло до 5000 человѣкъ, а подъ конецъ до 10 тысячъ, ибо пруссаки никакой изъ Данцига вылазки не сдѣлали и тѣмъ способствовали французамъ безъ развлеченія устремиться на одинъ пунктъ нашъ.

Каменскій, обезсила нашу колонну извѣтіемъ поротно всего Полоцкаго полка, и увидя малый успѣхъ 1-й колонны, поворотилъ и нашъ полкъ въ лѣсъ, занять наше мѣсто тремя прусскими батальонами Рембова, которые, нимало не держась, ушли въ крѣпость; тогда 2 батальона Архангелогородскаго полка заступили то мѣсто, которое мы съ толикою славною непоколебимостю удерживали болѣе 4 часовъ. Подонедѣль къ лѣсу, я первый посланъ былъ съ моей ротой впередъ, которую, построивъ въ линію, я быстро повелъ въ жестокій огонь, киблѣвшій на одномъ мѣстѣ, ибо ни наши, ни французы другъ другу не уступали ни шагу земли. Но въ самомъ пылу я былъ вскорѣ раненъ въ правое плечо и выплыть, и брызнувшая фонтаномъ кровь моз-

принудила меня отдать команду старшему по миѣ. Я возвратился къ крѣпости на первую перевязку и видѣлъ Каменскаго, стоявшаго на укрѣпленіи и спросившаго о миѣ; послѣ перевязки я взошелъ въ крѣпость и легъ на показанной миѣ квартирѣ. Между тѣмъ сраженіе кипѣло, и ружейный огонь густо катался въ рядахъ сражающихся, что продолжалось до 12 часовъ съ перемѣнами счастьемъ. Наконецъ Каменскій, вида, что не храбрость, но число солдатъ нашихъ чрезмѣрно начало уменьшаться, ибо мы сражались тремя тысячами противъ десяти тысячъ, дѣлъ приказаніе отступить, что и исполнено съ примѣрной неустрашимостью, какъ со стороны начальствующихъ, такъ и подчиненныхъ; въ числѣ первыхъ отличился тогда покойный братъ мой Алексѣй, команду 2-й колонной.

Въ сie сраженіе, названное отъ стыда Каменскимъ рекогносцированиемъ, полкъ нашъ покрылся славою предъ всѣми другими храбрыми полками нашими и заслужилъ имя: „храбрый Могилевскій полкъ“—отъ своихъ и чужестранцевъ. Свидѣтели сего славнаго для нашихъ офицеровъ и солдатъ сраженія, англичане и шведы пожимали намъ раненымъ руки въ знакъ уваженія крича: „браво, Русь!“ Итакъ что же намъ осталось отъ сего жестокого и упорного сраженія, въ которомъ изъ моей роты изъ числа 85 человѣкъ, бывшихъ въ сей день въ строю, убито—унтеръ офицеровъ 3, барабанщикъ 1, рядовыхъ 18; ранено оберъ-офицеровъ 2, рядовыхъ 21, а всего выбыло изъ фронта 45 человѣкъ. Въ полку же изъ числа 700 въ строю бывшихъ, выбыло 396 человѣкъ. Одна слава, но пользы никакой! Здѣсь ясно видимо, что и безъ помощи союзниковъ мы подъ начальствомъ прослыщеннѣйшаго и опытѣйшаго генерала взошли бы въ Данцигъ и заставили бы Наполеона по меньшей мѣрѣ усилить еще Лефебра, а симъ самыми ослабя его армію, споспѣшествовали бы равновѣсю силъ овой съ нашимъ. Не могу вновь не обратиться къ бывшимъ моимъ товарищамъ и не сказать, что въ сей славный для насть день, всѣ 12 ротныхъ начальниковъ были перранены, что солдаты наши какъ львы шли впередъ, изъ числа которыхъ моей роты grenadierъ Мироновъ, бросясь въ средину непріятелей, и поражая ихъ, былъ самъ отъ множества оныхъ поднять на штыкахъ.

4-го мая насть раненыхъ посадили на корабль и повезли въ Кенигсбергъ. Каменскій, видѣ, что ни англичане, ни шведы не приходили къ намъ, а бывшій у насъ англійскій генералъ Гутчинсонъ объяснялъ, что сего и не будетъ, рѣшился и самъ дней черезъ 10 сѣсть на суда и возвратиться къ своей арміи, что и исполнилъ. Прибыть

въ Кенигсбергъ, нась выгрузили на набережную Прегеля, гдѣ мы и лежали въ ожиданіи назначенія квартиръ; въ сие время день былъ прекрасный и покойная прусская королева Луиза, мать нашей императрицы, прогуливалась по городу въ экипажѣ, увида нась лежащихъ у пристани, послала спросить: кто мы и откуда? Узнавъ все, она тотчасъ послала своего камер-пажа въ ратушу за квартирами для нась, а между тѣмъ объявила, что за всѣхъ нась будетъ платить свои деньги хозяевамъ за наше содержаніе, что великодушно исполнила восемь дней, ибо далѣе исполнить сего была не въ состояніи по источенію собственныхъ ея финансъ въ то бѣдственное для Пруссіи время. На другой день сія благодѣтельная государыня присыпала къ намъ своего доктора, помнится Гуфланда, который, быть въ великолѣпномъ синемъ, золотомъ шитомъ мундирѣ и украшенный нашимъ Анненскимъ орденомъ, осматривалъ нась бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ; сія жаркая любовь къ страждущему человѣчеству, сіе свойство прекрасной души милосердой Луизы существуетъ быть незабвѣнными въ родѣ моемъ. И да благословится память твоя, добрая государыня, и отдаленѣйшимъ, благомыслиющимъ потомствомъ моимъ.

Получа облегченіе отъ ранъ моихъ, я въ первой пылкой любви къ отечеству отправился было въ полкъ въ исходъ маія, но полковой командиръ мой храбрый полковникъ Платонъ Тимофеевичъ Козловскій, восторженный симъ поступкомъ, расказаннымъ имъ графу Дебальмену и Воронцову, и князю Долгорукову флагель-адъютантамъ императора Александра I-го, совѣтовалъ мнѣ дружески поберечь себя, и я чувствую, что раны мои еще не закрылись, послѣдовалъ его совѣту и возвратился изъ подъ Гейльсберга въ Кенигсбергъ. Въ іюнь мѣсяцѣ, когда Фридландское сраженіе дало несчастный оборотъ войнѣ нашей, я отправленъ въ числѣ другихъ въ городъ Юрбургъ за Нѣманъ въ нашу границу; въ семъ путешествіи сопутствовали мнѣ товарищи мои по ранамъ, нашего полка поручикъ баронъ Вреде и прапорщикъ Чаплинъ. Нѣманъ переправились мы подъ Юрбургомъ на плоту; здесь рѣка сія имѣть около 200 сажень ширины, но на ней есть бродъ нѣсколько лѣвѣе города, по которому при мнѣ и переправлялся тяжелый обозъ нашей арміи. Прибывъ въ Юрбургъ, я явился къ генералу, барону Марковскому, здесь командовавшему гарнизонными батальонами, сведенными сюда изъ разныхъ мѣстъ, который, не имѣя возможности разместить нась по столь малому городу, ибо однихъ офицеровъ простирилось до 700 человекъ, а рядовыхъ было нѣсколько тысячъ, предложилъ намъѣхать въ Россію, кому куда угодно, съ тѣмъ, чтобы по излеченію ранъ явились къ полкамъ своимъ; я просилъ дать

мнѣ паспортъ до города Шацка Тамбовской губерніи, въ уѣздѣ кото-раго въ селѣ Подсосенкахъ покойная мать моя тогда находилась, и которое имѣніе досталось послѣ сестрамъ моимъ, и имѣніе нынѣ про-дается. Получивъ паспортъ, я отправился въ городъ Ковно, что на Нѣманѣ.

Теперь для связи моего повѣствованія обратимъ послѣдній взоръ на ту поистинѣ геройскую армію, которую въ исходѣ Апрѣля оста-вили мы въ окрестностяхъ Гейльсберга, Бартенштейна и на рѣкѣ Алѣ; на ту армію, которая одною неимовѣрною храбростью своею, одними своими трудами и рвенiemъ отстояла Россію въ теченіи 6 мѣсяцевъ, бѣзъ всякаго способствованія отъ ума своего главнокомандующаго, который, говоря по самой строгой беспристрастной справедливости, не заслужилъ чести быть ея начальникомъ.

Въ половинѣ Апрѣля императоръ Александръ I-й прибылъ къ арміи и остановился въ городѣ Бартенштейнѣ. Обрадованная армія прибы-тіемъ своего монарха еще болѣе укрепилась въ духѣ военному, и мы все тогда нетерпѣливо хотѣли, чтобы государь самъ принялъ команду или бы далъ намъ Кутузова. Но злой гений, управлявшій тогда сімъ государствомъ, внушилъ ему столь великую довѣренность къ проклятому Бенигсену, что онъ оставилъ его опять нашимъ главнокомандующимъ и, осмотрѣвъ нашъ авангардъ, бывшій подъ начальствомъ безцѣннаго героя князя Петра Ивановича Багратіона, изъ первыхъ числахъ Май оставилъ армію. Всѣ старанія при семъ сего монарха къ обращенію Австріи на театръ войны остались безуспѣшными, и Францъ I-й дорого заплатилъ внослѣдствіи за упущеніе сего славнаго и полезнаго его со-единенія съ нами въ сіе побѣдоносное время.

Между тѣмъ Бенигсенъ, получа донесеніе Каменского о невоз-можности спасти Данцигъ, и опасаясь новаго усиленія Наполеоновой арміи корпусомъ маршала Лифебра, къ которой и такъ уже подошли сильные подкрѣпленія, даже и испанскій 10 тысячный корпусъ, гене-рала Деларомана, рѣшился самъ атаковать его. Имѣя свѣдѣнія, что французскій корпусъ маршала Нея довольно отдаленъ отъ своей арміи и занимаетъ Гудштадъ, Бенигсенъ даетъ повелѣніе князю Багратіону съ авангардомъ атаковать маршала Нея, но для соразмѣрности силъ нашихъ противъ непріятельскихъ, даетъ повелѣніе генералу Сакену (что нынѣ графъ и фельдмаршалъ) съ его корпусомъ идти въ команду къ Багратіону. Багратіонъ, увѣдомленный о семъ усиленіи, атакуетъ стремительно Нея при Гудштадѣ и тутъ завязалась сильная свалка, но

какъ Сакенъ медленно шелъ и даже сѣдалъ на дорогѣ привалъ, то маршалъ Ней, имѣя время получить подкрепление отъ ближнихъ къ нему войскъ, сталъ несравненно сильнѣе Багратіона и принудилъ его помышлять о своемъ спасеніи; между тѣмъ, Багратіонъ, посыпая адъютанта за адъютантомъ къ Сакену, чтобы сей соѣшился къ нему, и вида что онъ не идетъ, принужденъ былъ отступить, но и тутъ искуснѣйшимъ образомъ умѣлъ навести Наполеона на Гейльсбергскія укрѣпленія, гдѣ и пощекала его наша армія 24-го и 25-го Мая. Въ то время, когда Багратіонъ былъ въ полномъ отступленіи, явился къ нему и Сакенъ; говорятъ, что въ пылу гибели князь едва не застрелилъ его.

Князь Багратіонъ требовалъ судить Сакена и на него нарядили военный судъ, но по лохвальному обыкновенію царствованія Александра I-го, когда самые величайшіе преступники оставались безъ наказанія, и Сакенъ былъ оправданъ.

Наполеонъ, атакуя нашу армію при Гейльсбергѣ и, вида непреродимость сей позиціи, рѣшился угрожаніемъ флангамъ нашихъ принудить слабаго умомъ Бенігсена оставить ону, въ чемъ и успѣлъ совершиенно. Бенігсенъ потащился къ Фридланду, и Наполеонъ разбитый при Гейльсбергѣ и потерявъ тамъ болѣе 10 тысячъ, преслѣдовалъ его туда же. Здѣсь предъ незначительнымъ городкомъ Фридландомъ 2-го Июна послѣдовала та битва, сѣдѣствиемъ которой былъ постыдный миръ Тильзитскій, изнурившій Россію запрещеніемъ торговли въ течение 5 лѣтъ, войною шведскою, потерю всего флота, гдѣ Архипелагъ бывшаго, и иго миллионной контрибуціи. Я рѣшусь сказать о сей битвѣ иѣсколько словъ, съышанныхъ мною отъ очевидцевъ и участниковъ онай. Съ раннаго утра Наполеонъ учинилъ атаку, но былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ и до второго часа пополудни побѣда оставалась на сторонѣ нашей; день былъ жаркий; Наполеонъ, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ и сосредоточить ихъ на одинъ пунктъ, прекратилъ въ сіе время атаку. Бенігсенъ побѣжалъ въ городъ обѣдать, корпусные генералы тоже, а войскамъ приказали, состави ружы, послать въ городъ за винной и мясной порціей; такимъ образомъ армія осталась въ совершенной безопасности. Въ 4 часа Наполеонъ пользувась мѣстомъ подъ покровительствомъ лѣса, сосредоточа свои колонны противу нашего центра, вдругъ открылъ пушечную пальбу по нашимъ линіямъ, которою разбивая составленныя ружы на дальнѣѣ разстояніе, поражалъ кучи сидѣвшихъ солдатъ и произвѣлъ тѣмъ страшную суматоху; офицеры наши, вскоча, закричали: «въ ружью!» Солдаты бросились къ

онымъ, но летавшія ядра попадая въ ихъ кучи, произвели страшное замѣшательство; въ то же время французскія колонны, со свойственною имъ быстротою, поспѣшили къ замѣшавшемуся нашему центру арміи, будучи усилены кавалеріею, которая было понеслась впередъ. Артиллерія наша не успѣла сдѣлать выстрѣла, какъ французы были уже близъ батарей, и войска нашего центра бросились назадъ. Гвардія наша, бывшая въ резервѣ столь же быстро побѣжала, ибо и ея всѣ начальники были въ городѣ; наши фланги арміи, которые хотя также были атакованы, но имѣя начальниковъ удерживались, а видѣ разорваннымъ центръ свой, начали отступать, при чёмъ особенно подвергся опасности лѣвый нашъ флангъ, предводимый генераломъ Дохтуровымъ, которому надлежало переходить рѣку по найденному имъ броду, но искусственнымъ маневромъ и жестокимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, Дохтуровъ нанесъ непріятелю весьма значительный уронъ, заставивъ французовъ остановиться. Слѣдовало бы Бенігсену первого судить, но его только удалили отъ команды и то послѣ мира, а изъ всѣхъ генераловъ только наказаны генералы: Малютинъ и Леонтій Депрерадовичъ, если отставка можетъ быть наказаніемъ симъ подлымъ людямъ.

Въ сіе сраженіе армія наша потеряла 20 тысячъ ранеными, и убитыхъ, и пѣшихъ и болѣе 150 орудій, но со всѣмъ тѣмъ въ ней осталась до 60 тысячъ и къ неї поспѣшила новая дивизія князя Лобанова. Но Александръ I-й столь ужаснулся сего пораженія, что вскорѣ, увидавъ съ Наполеономъ, на плоту, среди Нѣмана, заключить постыдный миръ въ Тильзитѣ.

Глава V.

Возвращеніе въ полкъ.

Въ предыдущей главѣ было показано, что я по полученіи паспорта отъ генерала барона Марковского выѣхалъ изъ Юрбурга въ городъ Ковно, лежащий на самомъ берегу Нѣмана; онъ невеликъ, но строеніемъ хороший, а мѣстоположеніе его прелестно. Здѣсь слѣдуетъ сказать, что здѣсь вариется медъ наилучшаго вкуса, но и весьма крѣпкій, онъ известенъ вездѣ подъ именемъ Ковенскаго. Изъ Ковно прѣѣхавъ въ городъ Вильну, столицу, такъ сказать, Литовскаго края, я остановился въ немъ на иѣсколько дней для получения слѣдовавшаго мѣсяца жалованія отъ находящагося здѣсь генералъ интенданта арміи князя Волконскаго и, получивъ оное, пробывъ дни три, пустился въ даль-

иѣйшій путь. Изъ Вильны яъ халъ порой въ полѣской телѣжкѣ, едва помѣщавшей меня иъ дѣлавшей сей вояжъ очень беспокойнымъ, тѣмъ болѣе, что и раны мои едва закрываться стали; прѣѣхавъ въ Оршу, я долженъ былъ остановиться для отдыха, чувствуя чрезвычайную въ себѣ слабость и не имѣя для отдыха своего даже и портной постели, ибо хавши изъ столь труднаго похода, откуда ее и имѣть миѣ было. Въ Оршѣ къ несчастью занемогъ у меня человѣкъ, и такъ я еще и для него долженъ былъ пробыть иѣкоторое время. Здѣсь я часто хаживалъ на Днѣпро и любилъ сидѣть на большомъ камнѣ изъ него выдавшемся, предъ самымъ опустѣвшимъ іезуитскимъ монастыремъ; я чувствовалъ къ сей величественной рѣкѣ особенную какую то привязанность, быть можетъ и потому, что и на берегахъ ее узрѣлъ здѣшній сѣль; миѣ казалось, что ея виды были сильнѣе другихъ рѣкъ, теченіе величественнѣе и она прекраснѣе, однимъ словомъ, я просиживалъ у нея по иѣскольку часовъ, предаваясь счастливости. Ориша небольшой, но довольно пріятный городокъ, изъ котораго, выѣхавъ черезъ Красный, прѣѣхалъ въ Смоленскъ древній городъ Матушки Россіи; прекрасное строеніе его, великолѣпныя палаты, вросшій въ землю отъ многихъ иѣкона храмъ смоленскій; все сіе привлекало жадные мои взоры.

Толпы ликующаго и разряженного народа, множество экипажей, хавшихъ отъ древнаго собора, гдѣ въ сей день праздновали образу Смоленской Богородицы, были предметы для меня прелестные, посль военныхъ предметовъ! Здѣсь остановился я въ домѣ гостепріимнаго городового маклера, который по проажденному русскимъ радушію очень заботился о угощениіи израпенаго воина. Пробылъ въ сѣмъ прекрасномъ городѣ цѣлый день, я выѣхалъ изъ онаго, вовсе не помышляя, что сей прекрасный нашъ городъ черезъ пять лѣтъ¹ будетъ сравненъ съ землею, и что тысячи его счастливыхъ тогда обитателей будутъ, лишенныя крова, скитаться по Россіи, испрашивая себѣ великодушной помощи, въ чёмъ жестокое правительство имѣ отказало или, данъ малѣйшую часть, не устранило грабежа аличныхъ чиновниковъ! Поданино жизни сія есть море напастей, воздвигаемое бурею! Кто бы могъ подумать въ 1805 году, что Аустерлицкое сраженіе, предначатое Александромъ I-мъ по его своеизранию, будетъ стоять толикухъ селъ и крохи любезному отечеству нашему? Что его иенавистное упорство противъ Кутузова въ 1801-мъ году позлечеть за собой 1812-й годъ, столько бѣстій причинившій Россіи? Не Барклай-де-Толли, слабому и не знавшему вою, избранному Александромъ I-мъ, но герою Смоленскому Кутузову, избранному Богомъ и отечествомъ, надлежало быть спасителемъ Россіи.

Изъ Смоленска выѣхавъ, проѣзжалъ я города Дорогобужъ, Вязму, города очень хорошия хотя и небольшия, но богатые; изъ нихъ первый расположень на горѣ и дѣлаетъ своими каменными церквами и здѣшними прекраснѣйшимъ видѣ; второй замѣчателенъ своею древностю и богатствомъ жителей, и въ которомъ большая часть каменного строенія, но расположено оный на измѣнномъ мѣстѣ, и сіи оба прелестные городки истреблены въ 1812-мъ году. Посль оныхъ проѣзжалъ я Калугу, Алексинъ, Тулу, Елисавѣтградъ, Скопинъ, Рижскъ и Сапожокъ и наконецъ прѣѣхалъ Тамбовской губерніи Шацкаго уѣзда въ село Подсолнечники, гдѣ тогда покойная мать моя имѣла свое пребываніе. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ на другой день получилъ жестокую горячку, слѣдствіе трудовъ военныхъ и беспокойнаго путешествія въ 2000 версты! Я былъ въ отчаянномъ положеніи и меня сочли за нужное пріобщить уже Святыхъ Тайнъ. Я помню и теперь, что, когда меня привели въ чувство, и я увидѣлъ входящаго ко миѣ священника съ чашею примиренія, которая несена была изъ церкви, гдѣ въ сіе время служили обѣдни, то Всеблагій Богъ даровалъ миѣ столько иѣры, что я привѣсталъ и сказалъ: „стою ли я этого?“ и съ чувствомъ пріобщилъ Святѣшаго примирительного Тѣла и Крови волюбленнаго Спасителя нашего и послѣ сего уснула. Сонъ произвелъ во миѣ поть, и я, получа облегченіе, началъ выздоравливать. Въ сей болѣзни я видѣлъ внимательное къ себѣ расположеніе покойной моей матери, и за сіе не могши еще ходить, вѣльть себя принести съ постелью къ ногамъ ея да изъявленія ей моей благодарности. Оправясь совершенно, я помышлялъ обѣ отправлѣніи моемъ въ полкъ, ибо сестры мои, винонницы всего неустройства нашего семейства, столь же были расположены ко миѣ, какъ и прежде, изъ одного желанія корысти и любостяжанія, примеръ поучительный для корыстолюбцевъ, ибо изъ ихъ поведенія видно, что сердца одержимыя сею болѣзнью тверже самаго металла.

Покойная мать моя, желая провести зиму въ Тулѣ для своего удовольствія, сама побѣхала имѣть со мною. Итакъ мы въ началь Сентября, большими количествами экипажей, ибо и сестры тутъ же хали, пустились въ путешествіе, намѣриваясь по волѣ покойной матери моей заѣхать поклониться мощамъ архіерея Тихона, въ Задонскѣ почивающимъ. На пути сѣмъ проѣзжали мы четыре города, изъ нихъ первый Липецкъ, славящійся своими минеральными водами; онъ начиналъ тогда улучшаться отъ множества посѣтителей, но и замѣтилъ здѣсь одну только любопытную вещь—плотину,строенную Петромъ Великимъ: она чрезвычайно прочна, какъ и весь его учрежденія, ширинѣ она необыкновенной и сдѣлана превосходно.

Задонскъ—небольшой городокъ Воронежской губерніи, во строенія въ немъ есть прекраснѣйшія и онъ годъ отъ году приходитъ въ лучшее положеніе отъ множества пріѣзжающихъ и приходящихъ на поклоненіе св. Тихону. Люди столь суевѣрные, что несмотря даже и на то, что сей покойный архіерей (впрочемъ мужъ знаменитый своими сочиненіями и гомініями) не причисленъ къ лику святыхъ и самыи духовенствомъ, толпами идутъ и ъдуть сюда. Но что пользы въ этомъ? Надлежало бы по примѣру Тихона исправить свою нравственность его посѣтителямъ и просить о семъ того верховнаго нашего Благодѣтеля, безъ котораго помощи и Тихонъ не могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ бывъ и умолять Господа Искупителя нашего, да дастъ Онъ намъ сердце сокрушенно и смиренно!—Святыхъ уважать и подражать имъ должно, но при семъ всегда должно помнить, что и имъ всѣ блага дадь Богъ, а не они сами собою стали совершенными, помни слова св. апостола Павла: „кто Павелъ? кто Аполлосъ, они только служители, посредствомъ которыхъ вы увѣровали и при томъ поклонику каждому дадь Господь. Я посадилъ, Аполлосъ поливалъ, а выростилъ Богъ!“ (Къ Коринтамъ I-го посл. гл. III-я стих. 5 и 6-й). Устремлять мысли свои къ Единому всего Подателю Самъ Спаситель нашъ повелѣть намъ знать и кланяться „Единому Богу и Имъ посланному Иисусу Христу“.*)

Слѣдовательно это видно и спасетъ насъ, да и церковь наша поетъ: „Достойно и праведно есть покланяться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущной и Нераздѣльной“. За предѣлами гроба не избавить насъ отъ наказанія сіи суетныя путешествія, если мы не исправились въ своей нравственности; ты хочешь ъхать на поклоненіе въ какой либо монастырь? собери лучше тѣ деньги, которая издержала бы на сіе, отдай ихъ нуждающимся и оставаясь дома молись Тому, Который иже вездѣ сый. Или мы уже глухи стали къ тлаколу вѣчной истины, научившей насъ, „что истинные поклонники будуть покланяться Отцу въ духѣ истины“ (Иоанна гл. IV-я ст. 21-й и 22 и 23-й) или мы уже не тѣ христіане, которыхъ великий апостолъ Христофоръ Павелъ училъ, что самовольное служеніе и изнуреніе тѣла только удовлетворяетъ плоти, но пользы не приносить (смотри къ Колосс. посл. гл. II ст. 23-й и многія мѣста всего Нового Завѣта). Ахъ, какъ мы отѣздилисъ единства церкви Христовой, для чего мы оставляемъ единый, истинный источникъ и копаемъ себѣ колодези каждый по своему вкусу? „Мени оставиша источника воды живыя и ископаша себѣ кладези“! говорить Господь—будемъ просить Господа, чтобы Онъ явилъ намъ милость свою, утверждая насъ на пути

истинномъ и Ему благоугодномъ, избавляя насъ отъ всѣхъ лицемѣрныхъ и суевѣрныхъ дѣйствій и надеждъ.

Козловъ городъ очень хороший и довольно обширный; это складочный магазинъ для большой половины обширной Тамбовской губерніи, и здѣсь видѣть и невѣроятное множество дынь и арбузовъ, родящихся въ полѣ въ окрестностяхъ сего города и за которые здѣсь платить весьма недешево, напримѣръ: двѣ дыни дешевка, арбузъ довольно большой—2 копейки, но вкусъ сихъ плодовъ очень посредственный и вовсе не можетъ сравниться со вкусомъ родящихся у насъ изъ парникахъ.

Раненбургъ, (Рязанской губерніи), имѣющій довольно хорошее строеніе и расположенье на горѣ; онъ замѣчательнъ больше потому, что здѣсь въ царствованіе Елизаветы I-й содержался Иоаннъ Антоновичъ, назначенный отъ Аѳаны Грозной императоромъ Россійскимъ, но свергнутый съ престола въ самомъ еще малолѣтствѣ. Онъ былъ сынъ герцога Ульриха Брауншвейгскаго и принцессы Аѳаны племянницы Грозной. Развалины крѣпости, где содержался Иоаннъ, еще существуютъ, и любопытный путешественникъ можетъ на ея развалинахъ мечтать о прочности земного величія. Сей городокъ напоминаетъ собою и знаменитаго нѣкогда князя Меньшикова обладателя сего города и окрестныхъ сель, где онъ во времена своего могущества отдыхалъ иногда отъ трудовъ своихъ, и украсилъ его окрестности, копая пруды и дѣлалъ плотины, которые теперь время почти совсѣмъ уничтожило.

Представи себѣ Иоанна и Меньшикова, здѣсь бывшихъ, нельзя не сказать, что сей городъ можетъ служить поученіемъ для насъ, хотя и безмолвнымъ, но не менѣе того краснорѣчивымъ.

Пріѣхавъ изъ Тулы и по кратковременному отдыхѣ, я 6-го октября выѣхалъ къ своему полку, стоявшему въ городѣ Вилейкѣ Минской губерніи, какъ извѣстилъ меня Тульскій губернаторъ.

При семъ отѣздѣ покойная мать моя прощалась со мною иѣжнѣйшимъ образомъ и сіе воспоминаніе навсегда останется въ благодарномъ моемъ сердцѣ. Изъ Тулы я ъхалъ на города: Алексинъ, Калугу, Юхновъ, Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Борисовъ; пріѣхавъ въ Вилейку, и не нашедъ здѣсь полка, я долженъ былъ написать о семъ Минскому губернатору Корнееву, прося его извѣстить меня, где Могилевскій полкъ находится? Въ семъ ожиданіи остался въ Вилейкѣ и занялъ квартиру у отставнаго флота капитанъ-лейтенанта Алексея

*) Иоанна гл. XVII-я ст. 3-й.

Петровича Слизова, одного русского въ семье польскомъ городкѣ живущаго. Радушный мой хозяинъ обходился со мною какъ родной, угождая меня славно, ибо имѣть въ окрестности сего города 200 душъ, отцу его, храброму контрь-адмиралу за Шведскую войну Екатериною II пожалованы. Здѣсь я прожилъ больше двухъ недѣль и ласкою доброго хозяина не могу нахвалиться. Сей городъ имѣть прекрасную военную для обороны позицію, будучи расположены на крутомъ берегу рѣки Вилейки, но самъ по себѣ очень дуренъ и худо выстроенъ. Получа отъ губернатора отпѣтъ, что полкъ мой стоитъ въ Полоцкѣ, я пустился въ оный проселочною дорогою на городъ Десну, но приѣхавъ въ Полоцкѣ не нашелъ и здѣсь своего полка, но зато вѣрно узналъ уже, что оный стоитъ въ Витебскѣ, куда я вскорѣ и приѣхалъ. При семъ долженъ сказать, что я изъ Юрбурга до Шацка и отъ Шацка до Витебскаѣхъ на свой счетъ, ибо тогда и раненымъ прогонять не давали. Итакъ моя рана, полученная за отечество на польѣ браны, сверхъ убытка для моего здоровья, стоитъ мнѣ болѣе 700 рублей. Гдѣ справедливость правительства? но тогда все шло криво, теперь же раненымъ выдаютъ прогоны и лѣчить ихъ на казенный счетъ.

Глава VI.

Второй военный походъ къ шведской границѣ.

Прибыть въ полкъ, и нашелъ, что полкомъ напимъ командуетъ подполковникъ Обухонъ, и шефомъ назначенъ къ намъ генераль майоръ Насекъ. Въ Витебскѣ я нашелъ главнокомандующаго своего генерала графа Буксгедена и, бывъ одинъ разъ дежурнымъ по полку, и пришедъ къ нему и нашелъ его читающаго календары! Занятіе достойное того, кому Александръ I-й мѣбръ арміи, но сей читатель мыслевоза вскорѣ отъ насъ уѣхалъ.

Недолго отдыхать я, ибо въ исходѣ декабря мы выступили въ походъ изъ Петербурга и сѣдовали на города: Городокъ, Невель, Великія Луки, гдѣ приѣхали новый шефъ къ намъ, глупый и алчный генераль майоръ Булатовъ (имѣшій вноследствіи великое влияніе на судьбу мою) черезъ Порховъ, Лугу, Гатчину и Царское Село. Проходя оба послѣднія мѣста, я встрѣчалъ ихъ какъ давно знакомыхъ друзей и мечталъ возвратиться во времена моего счастія, когда, бывъ избѣстъ царю, я наслаждался счастіемъ лѣть юности беззаботной. Въ Петербургъ мы вспомни вечеромъ 26-го января 1808-года и, проходя его великолѣпными улицами, остановились на Выборгской сторонѣ.

На другой день яѣдиль къ знакомымъ своимъ Ивановымъ, гдѣ провелъ весь день, свидясь съ ними透过 6 лѣтъ. На другой день по утру смотрѣть полкъ нашъ императоръ Александръ I-й и былъ недоволенъ выправкою людей и церемоніальнымъ маршемъ, не помысли, что у насъ въ полку было болѣе 1200 человѣкъ ретниконъ изъ распущенной милиціи. Въ сей день, выступи изъ сѣверной нашей столицы, мы послѣдовали къ бывшей вишней Шведской границѣ въ кирпичтель. Соуминеми (кирпичтель есть селеніе, гдѣ есть лютеранская кирка; оно соответствуетъ нашему селу, но не пространствомъ, ибо при киркѣ бываетъ двора по два), гдѣ и остановились до 20-го февраля, и я жилъ здѣсь въ самой скверной, курной избѣ, гдѣ вмѣстѣ были со мной и хозяйственная скотина, ибо ее выгонять было не пѣтко. Здѣсь объявленъ намъ императорскій приказъ, что мы, въ числѣ 4-хъ дивизій составляя армію, поступаемъ въ начальство генерала графа Буксгедена и предназначены для завоеванія шведской Финляндіи; что сему главному начальнику дается власть: рядовыхъ лишать жизни, а офицеровъ разжаловать изъ солдатъ изъ случаѣ винъ ихъ, не донося о семъ государю. Всеобщее омерзеніе было отпѣтъ на сю прокламацію, ибо всеобще ненавидѣли Буксгедена за его временное начальство въ прошлую войну и за его жестокость.

Теперь обратимъ взоръ на край, куда судьба привлекла меня; мрачный лѣсъ, камни ужасной величины и пропасти, между которыми тамъ и сямъ раскиданы бѣдные крестьянскіе дворы, и то весьма рѣдко, представились изумленному моему взору на всемъ семъ пространствѣ отъ самого почти Петербурга, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ. Здѣсь ничего порадочнаго достать было нельзя! Нечистота жителей и ихъ жилищъ отвратительна; однимъ словомъ, это самый скверный, скучный и мрачный край, который казалось недавно еще вышелъ изъ подъ вѣчныхъ водъ и населенъ преступниками, изгнанными изъ государствъ образованныхъ.

Среди сего хаоса Выборъ показался мнѣ прекраснѣйшимъ городомъ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ таковъ; вмѣсалъ въ себѣ прекрасные каменные дома и имѣя все, не только нужное, но изобиліе, но и къ роскоши служащее. Онъ особенно славится кренделями, которые и въ самомъ дѣлѣ безупречного вкуса и известны изъ Петербурга подъ собственнымъ названіемъ Выборгскихъ кренделей. Въ отношеніи военному онъ считается и есть первоклассная крѣпость, могущая выдержать долговременную осаду большой арміи и флота; но безъ сего послѣд资料аго онъ неприступенъ, стоя на берегу Финского залива, который былъ

въ сіе время окованъ свирѣюю полярною зимою. Здѣсь я былъ угощаемъ братомъ моего поручика Плеханова, и слыша отъ него о томъ краѣ, куда шли, запасся я здѣсь всякою провизией и особенно кофеемъ, столь нужнымъ въ сѣмъ хладномъ зимою и сырому лѣтомъ краю. Да-ле проходили мы маленькой городокъ и крѣпостцу Виль-Монстрантъ близъ нашей бывшей границы, лежащіе при озерѣ Сайма, на которомъ была принасъ и гребная флотилія и крѣпости для защиты оной. Сіа крѣпостца и другія лежащія на линіи ея какъ то: Давыдовъ, и Кюмен-гордъ построены по плану и подъ надзоромъ великаго Суворова знаменитаго князя Италійскаго. Предъ Сауминему проходили мы и кирку Савитайполь, столь извѣстную въ нашей военной исторіи пораженіемъ принца Ангальта брига Екатерины II-й. Сраженіе сіе было при большомъ мостѣ, лежащемъ ниже озера Куолимо, где съ обѣихъ сторонъ нашихъ и шведовъ легло тысячи, а мы проходили сей мостъ въ совершенной тишинѣ и только у немногихъ изъ наасъ одна мысль ожидала подвиги минувшаго вѣка. Послѣ сего не жалки ли люди, которые думаютъ кровополитіемъ купить для себя славу, столь скоро забываемую и такъ, что даже и могилъ храбрыхъ вовсе уже не видно, ибо ни одинъ памятникъ не оживляетъ ихъ! Вскорѣ, вскорѣ и наша кровь попьется рѣками на сушѣ и водахъ и то же забвеніе грозить и тѣмъ, кого судьба обрекла быть жертвою войны сей, самой неправедной, какую когда либо предпринимала Россію.

При сѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что я изъ Петербургъ получиль за сраженіе 3-го мая 1807-го года при Вейсьельмюндѣ орденскую шнагу, малую награду за мое рвение, и изъ Виль-Монстрандѣ получилъ приказъ, которымъ произведенъ я изъ капитана.

Глава VII.

Заграничный военный походъ и сраженія до 1-го мая 1808-го года или до окончанія первой компаніи.

Простоявъ въ скучной и мрачной Сауминему въ ожиданіи движенія главнаго корпуса нашей арміи, пошедшаго по берегу Финскаго залива къ Ловизѣ и Швортгольму и да-ле къ городу Борго, близъ двухъ недѣль; мы наконецъ 20-го февраля того 1808-го года выступили за границу и послѣдовали своей колонной къ киркѣ Сантъ-Христіно, а потомъ и изъ Сантъ-Михель маленькой городокъ, где было шведское депо для пѣхоты и гребной флотъ; послѣдній шведы сожгли, оставивъ намъ болѣе 50

орудій артиллеріи большого калибра и все чугунныя, а депо, не успѣвъ вывезти многія прекрасныя вещи, намъ оставили. Здѣсь простоили мы иѣсколько дней въ ожиданіи движенія главной колонны нашей, 5 дивизій подъ начальствомъ генералъ лейтенанта Тучкова, слѣдовавшаго изъ городка Нейшлота изъ кирку Йорсисъ. Тучковъ, приближалась къ укрѣпленному городу Варкгаузу, почуялъ нужнымъ вмѣсто прямого слѣдованія нашего на городъ Куапо, притянуть наасъ къ себѣ, почему оставилъ въ Сантъ-Михель роту мою подъ начальствомъ штабъ-капитана Юніа, а меня взять съ собою, генералъ майоръ Булатовъ начальникъ нашей колонны пошелъ черезъ кирку Йокасъ въ Йорсисъ, где и соединились мы съ своею дивизіею, Здѣсь слѣдуетъ сказать, что наша колонна до соединенія съ Тучковымъ, состояла изъ нашего и Пермскаго полковъ, 2 роты Выборскаго гарнизона подъ начальствомъ ихъ подполковника Дункера, эскадрона Гродненскихъ гусаръ, 100 казаковъ и 12 орудій легкой артиллеріи. Изъ Йорсиса выступили мы всей дивизіей черезъ деревеньку Куванси къ Варкгаузу, занятому непріятелемъ подъ начальствомъ генерала графа Кронштета; сіе укрѣпленное природою и искусствомъ мѣсто, лежащее между двухъ озеръ, не представляло иного способа къ занятію силою, какъ дѣйствовать по льду во фланги оного, а съдѣственно и подвергнуть себя большой потерѣ на столь открытыхъ мѣстахъ при вѣтаніи, можно сказать, на скалы оного. Но Тучковъ рѣшился на сіе и сѣдалъ уже диспозицію къ атакѣ, какъ Кронштетъ, имѣя немногого войска, рѣшился взорвать пороховой магазинъ и ночью отступить; взрывъ сей, послѣдовавшій предъ разсвѣтомъ когда шведы давно уже ушли, быль сигналомъ для нашего вступленія въ Варкгаузъ, куда мы и вступили при первыхъ лучахъ солнца. Взору нашему при входѣ въ оный представлялся утесь, покрытый болѣе нежели 40 орудіями, которыхъ непріятель тутъ оставилъ; сей утесь или каменная скала имѣть на себѣ довольно хорошее чистое и опрятное строеніе которое и вмѣщало жителей до 2500 душъ. Здѣсь были верфь для строенія гребныхъ судовъ на большомъ озерѣ Лимавеси, сливающимся съ другими и простирающимися до самого Вильманстранта и Нейшлота. Здѣсь мы получили также изъ военнуу добычу болѣе 80 орудій морской артиллеріи, бывшей на судахъ, кои все сожгены шведами. Изъ Варкгаузса послѣдовали мы къ киркѣ Линавирта, где произошла первая перестрѣлка нашего авангарда подъ начальствомъ генерала Гарнаульта со шведами. Отсюда двинулись мы къ городу Куопіо, подъ которымъ послѣдовало сраженіе нашего, до 3000 простиравшагося авангарда съ шведскимъ аріергардомъ, состоявшимъ изъ 700 человѣкъ съ 8 пушками, Здѣсь замѣчу только, что Булатовъ въ сей день командовалъ нашимъ авангардомъ, имѣя втрое болѣе войска и

выгоду мѣста на своей сторонѣ, не умѣть отвѣтить непріятельскаго аріергарда и отбить прикрываемаго симъ послѣднимъ транспорта, стоявшаго болѣе 100 тысячъ рублей. Наконецъ послѣ сраженія, болѣе 4 часовъ продолжавшагося, непріятель бытъ разбитъ и преслѣдованъ къ селенію Тайвола, а мы вступили въ городъ къ вечеру.

Удивительно, что генералъ Тучковъ не воспользовался опытомъ прошлой войны и, имѣя всю дивизію подъ рукой, не подавилъ всею массою шведскаго аріергарда, чѣмъ бы, приобрѣтъ себѣ честь уничтоженіемъ онаго и большими пѣщами, поразилъ бы ужасомъ жителей Куопіо, что особенно было намъ нужно, и сверхъ сего отъ быстроты написка мы бы въ менѣе потерпали людей. Оттого то, что наши генералы будто сѣльные бродили ощущую, какъ бы не вѣдалъ великаго военнаго правила: быть непріятелемъ, устремленіемъ превосходныхъ силъ на слабый пунктъ онаго. Запавъ Куопіо, мы съ отрядомъ, составленнымъ изъ полковъ нашего и Пермскаго, 8 орудій артиллериі, эскадроновъ Гродненскихъ гусаръ и 40 казаковъ, оставши съ ономъ, Тучковъ съ полками Сысекімъ и Калужскимъ, 23 и 24 Егерскими, 16 орудіями артиллериі и съ иѣсколькими эскадронами гусаръ и сотнею казаковъ потянулись на кирпичъ Индесальмы къ городу Брахештадту. Здѣсь замѣчу вторую ошибку Тучкова, который долженствовалъ всю дивизію идти съ быстротой къ селенію Пипола и тамъ раздѣлиться съ наими, самому ему слѣдовало идти на Франсило и Лимонго, а нашей колониѣ на Павола Револакъ и Сикаюки, каковымъ движениемъ угрожая флангу и тылу непріятельскаго корпуса, у Сикаюки и Лимонго расположеннаго, заставилъ бы его отступить изъ сей прѣкрайской позиціи, но имѣсто сего совокупнаго дѣйствія, оставилъ насть, Богъ знаетъ для чего въ Куопіо, самопроизвольно обезсилъ себѣ, тѣмъ самымъ не только спась шведовъ, но и дать имъ время даже къ побѣдамъ, какъ увидимъ ниже сего. Теперь скажемъ иѣсколько словъ о томъ мѣстѣ, въ которомъ мы простояли до исхода марта мѣсяца. Городъ Куопіо, главный во всей Кареліи, лежитъ на ровномъ и низкомъ берегу огромнаго озера Калла-Веси и въ близкомъ разстояніи отъ другого Реко-Веси и содержитъ въ себѣ жителей до 5 тысячъ; строеніе въ немъ, исключая двухъ или трехъ каменныхъ, все деревянное, но очень хорошее и, по большей части, двухэтажное. Торгъ сего города по здѣшнему краю обширный, ибо получая изъ приморскихъ городовъ: Гамле и Никарлеби, Брахештадта и другихъ разные товары и произведенія земель чужестранныхъ, снабжаетъ имъ всю Карелію и Саволакъ, къ чему водяное сообщеніе, при которыхъ стоять онъ, много способствуетъ облегчая ему сношеніе съ сими внутренними и углубленными въ лѣсахъ

непроходимыхъ провинціями. Здѣсь въ лавкахъ можно все найти и при томъ по цѣнамъ, очень умѣреннымъ; серебряники и другіе мастера находятся здѣсь въ довольноѣ количествѣ, и я самъ заказывалъ здѣсь чайныя ложечки, которыя въ теперъ еще иѣлы и сѣланы очень искусно. Городская площадь, окружная двухэтажными домами, театромъ, редутомъ и кофейнымъ домомъ или ресторациею, очень и очень пріяточна, особенно для сего отдаленнаго края. Пользуясь временными выгодами, мы здѣсь отдохнули отъ понесенныхъ нами трудовъ во времена зимнихъ походовъ отъ Петербурга до Куопіо на разстояніи болѣе 500 верстъ. Я не стану описывать почти неизбранный труда оныхъ, но скажу только, что въ сіе время, то есть съ 20-го Февраля по половину Марта морозы восходили до 35 градусовъ по термометру Реомира, а мы въ сіе время на открытыхъ озерахъ при сильномъ рѣзкомъ вѣтрѣ (ибо дорогами въ сіе время не ходить отъ множества снѣга, а обходить по льду озеръ и рекъ) бывали въ маршѣ по 5 часовъ и болѣе въ однихъ шинеляхъ сверхъ сюртуковъ. Здѣсь я удостовѣрился, что иѣть трудовъ, которыхъ бы человѣкъ вынести бывть не въ состояніи. Всѣ бывшия прежде сего и потомъ во все воинственное правление Александра I-го, войны ни одна по трудностямъ своимъ не можетъ сравниться съ сею войною, припомнѣ еще и то, что мы по временамъ въ голодъ переносили отъ малаго населенія нашей Финляндіи и бывшей шведской, гдѣ непріятель, отступая, старался истребить всѣ способы къ нашему продовольствію. Наконецъ по занятіи Тучковымъ города Брахештадта, и мы получили отъ него повелѣніе идти къ киркѣ Франсило и Лимонго, куда выступивъ, слѣдовала наша колонна изъ Индесальмы до селенія Ниессиле, гдѣ, отѣла три роты нашего второго батальона съ 4 орудіями подъ начальствомъ подполковника Обухова для занятія города Калны, вправѣ отъ насть лежащаго, мы послѣдовали на кирку Пулькало, откуда генералъ Булатовъ послалъ меня въ селенію Маттиля командовать аванпостами, дагъ мнѣ 60 человѣкъ рѣдовыхъ съ двумя офицерами пѣхоты и 10 казаковъ. Само собой разумѣется, что сія служба, лѣсти моему самолюбію, была сопряжена съ особыми трудами и заботами, а потомъ и съ иѣкоторою опасностью, когда я въ ночь на 7-е апрѣля узналъ отъ присланнаго ко мнѣ шпиона, что противъ меня въ селеніи Косяки стоятъ 400 шведскихъ егерей и иѣсколько драгунъ. Получа сіе съѣдѣніе, я укрѣпилъ свою позицію шинцами вырытыми изъ снѣгу и обливъ ихъ водой, отъ которой покрывшиесь льдомъ получили они крѣпость, которую дать намъ средство къ защитѣ въ случаѣ нападенія сильнаго непріятеля. Сіе, впрочемъ странное, но мѣстному положенію и климату сообразное, и по отдѣленію нашему на 12 верстъ отъ отряда, и спасительное средство обез-

печило меня совершенно; сие тѣмъ болѣе нужно было, что въ сюю ночь непріятель учинилъ нападеніе на мои разыѣзы и убилъ одного казака, а другого смертельно ранилъ, но не послѣдовалъ однако даѣте ко мнѣ.

Въ семъ положеніи простоялъ я до 10-го Апрѣля, ибо и Булатовъ получалъ вѣрное извѣстіе; что кирка Франсіло занята превосходными силами шведскими, не рѣшался идти впередъ, не получа точнаго на сіе повелѣнія отъ Тучкова. 10-го рано поутру получиль я предписаніе отъ Булатова выступить немедленно обратно къ отряду послѣдовавшему, по кратчайшей дорогѣ на кирку Виханда для соединенія съ Тучковымъ, который занять Брахештадтъ не могъ выбрать шведовъ изъ ихъ позиціи при Сиккіонахъ, и чувствовалъ самъ нужду въ подкреплѣніи; и такъ неправильное распоряженіе своего начальника мы уже начинали чувствовать въ обратныхъ контрь-маршахъ. Прохода по колѣю въ сиѣту трудною дорогою черезъ Алльбу, Вихандъ и Револаксъ и таща съ собою болѣе солдатами, а не лошадьми артиллерію, мы проходили между непріятелемъ, который легко могъ изъ Павлова и Револакса атаковать насъ на маршъ и разбить. Сей трудный маршъ покрылъ лицо Булатова морщинами, и когда достигли мы Виланды онъ тотчасъ послалъ меня съ 20 рядовыми на санахъ въ кирку Поавола для рекогносцированія шведовъ, которые сдѣмали съ своей стороны большую ошибку, оставивъ незанятыми обѣ поминутыя кирки. Прибыть ночью въ Поавола и прямо въ домъ къ пастору какъ лицу, отъ которого болѣе узнать могъ, я, взявшись съ собой переводчика, началъ его допрашивать о войскѣ шведскомъ, но къ крайнему удивленію моему услыхалъ его, заговорившаго со мною чистымъ и прекраснымъ нашимъ нарѣчіемъ, что меня и обрадовало; отъ него я узналъ, что шведы во Франсіалѣ и дѣлаютъ сюда разыѣзы, которые недавно адѣсь и были, но о силѣ или числѣ оныхъ онъ не узналъ; итакъ, ставъ въ Револаксъ, мы становились на линіи сообщенія непріятельского; пунктъ для насъ выгодный, но и опасный и требующій ума и дѣятельности, которыхъ, какъ увидимъ, Булатовъ, къ несчастію нашему, не имѣлъ. Получа нужный для насъ свѣдѣнія, я 12-го Апрѣля прибыть прямо въ Револаксъ, нашелъ тамъ отрядъ свой изъ Виланди пришедший и обо всемъ донесъ Булатову. Здѣсь остановилъ отрядъ, Булатовъѣздилъ къ Тучкову на совѣщеніе, и мы простояли въ совершенномъ бездѣствіи до 15-го Апрѣля. Въ сіе довольно продолжительное время безопаснѣй нашъ начальникъ, зналъ, что мы стоимъ окруженные непріятелемъ, занимающимъ Франсіалъ съ одной, Сиккіоики съ другой и Лумноки съ третьей стороны, ни одного раза не рекогносцировалъ нашего мѣсто-

положенія, по которому бы сдѣдовало сдѣлать распоряженія къ защищѣнію на случай непріятельскаго нападенія, котораго и ожидать было надо по тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ мы поставили непріятельскаго маршала Клингпорна, ставъ на его сообщеніяхъ. Сія важная и преступная оплошность была величайшею изъ причинъ нашего пораженія вноследствіи нами претерпѣнаго. Теперь сдѣлуетъ сказать, что у насъ въ отрядѣ за отдѣленіемъ Обухова съ тремя ротами въ Калло, одной роты въ Сантъ-Михель, двухъ гарнизонныхъ ротъ подполковника Дункера въ Варкгаузѣ, осталось 3 батальона пѣхоты, 18 казаковъ, эскадронъ Гродненскихъ гусаръ и 4 орудія артиллеріи, въ которыхъ отъ большой убыли людей при труднѣйшихъ нашихъ походахъ осталось до 800 человѣкъ. Не искон ли, что или глупая флегма, или преступная и злонамѣренная воля Буксгевдена, тогдашняго нашего главнокомандующаго, по которой онъ, видя, что мы и съ Тучковымъ не имѣли 3000 человѣкъ подъ ружьемъ, оставилъ насъ на волю 10 тысячнаго корпуса непріятельскаго, теперь сосредоточеннаго, и въ отдаленіи отъ всѣхъ войскъ нашихъ на 200 верстъ, ибо близайшій отъ насъ занимали городъ Вазу. Но обратимся къ тогдашнимъ нашимъ событиямъ.

14-го Апрѣля Булатовъ, желая имѣть точнѣйшія свѣдѣнія о положеніи непріятеля, призвавъ меня къ себѣ и поручая вновь въ команду мою 60 человѣкъ стрѣлковъ съ двумя офицерами, Пермскаго полка поручикомъ Павленией и нашего подпоручикомъ Григоровымъ, 20 гродненскихъ гусаръ при корнетѣ ихъ Заборовскомъ и 10 казаковъ съ сотникомъ Лобачевскимъ и съ симъ отдѣленіемъ поручиа мнѣ сдѣлать точнѣйшее обозрѣніе непріятеля къ сторонѣ Франсіло, и если его тамъ нѣтъ, постараться черезъ Пулькило соединиться съ отрядомъ Обухова для привлечения его къ намъ. Столъ безумное порученіе заставило меня объясниться съ Булатовымъ во многомъ съ помощью принявшаго мою сторону генерального штаба капитана Соснина, бывшаго при нашемъ отрядѣ. Но слѣдствіе сихъ споровъ было одно: идти куда приказано, и поданный Булатовъ былъ столъ гнусенъ, что и письменнаго ордера мнѣ не далъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ случаѣ дурныхъ со мною обстоятельствъ, извинить, что называется всю бѣду на меня, имѣть возможность сказать: „я не то приказывалъ“. Всѣдѣствіе сего назначенія, когда смерклось и, собравъ отрядъ свой, выступилъ по данному мнѣ повелѣнію отъ Булатова, который именно велѣлъ идти мнѣ ночью, дабы не замѣтили сего по словамъ его жители, а въ самомъ дѣлѣ полагалъ для того, что онъ боялся ночныхъ нападенія на отрядъ свой разбросанный на довольною растояніи по

адѣніи раздѣльнымъ дворамъ а не по деревнямъ крестьянскимъ, и который сошедшіи отъ него не было возможности иначе, какъ заставить создать и такъ изнуренныхъ походомъ стать на биваки, что было бы безчеловѣчно по здѣнію глубочайшимъ снѣгамъ и холоду. Одно упустилъ Булатовъ изъ виду, что дозволивъ ходевамъ дворовъ свободный выѣздъ, доставлять тѣмъ вѣрийшие непріятелямъ свѣдѣніе о числѣ нашего отряда, хотя и былъ отъ сего предостерегаемъ многими представленіями, ибо мы ясно видѣли величайшую къ намъ ненависть всѣхъ вообще жителей съ самаго нашого вступленія въ предѣлы Швеціи. Такимъ образомъ слѣдуя къ киркѣ Понвола во всю ночь, на разсвѣтѣ дня 15-го априла открыть моими казаками, шедшими передо мною, идущій на насъ непріятель. Полагаясь на увѣренія безмыслинаго Булатова, что непріятеля быть изъ Понвола, я шелъ просто безъ всякихъ особыхъ осторожностей и казаки шли передъ мною шагахъ въ пять, вмѣсто того если бы генералъ сей не увѣрилъ меня въ томъ, чего самъ не вѣдалъ, и которому я какъ начальнику довѣрилъ совершение, то тогда разыѣзы казаковъ были бы посланы впередъ на дальнее расстояніе, и я избѣгъ бы всякой внезапности столь вредной во время войны. Но какъ бы то ни было, а я совершиенно для меня неожиданно столкнулся, такъ сказать, посѣть посомъ со шведами. Первымъ моимъ дѣломъ было тотчась разсыпать 20 человѣкъ стрѣлковъ въ лѣсъ, по обѣ стороны дороги лежащей, дабы хотя иѣсколько осмотрѣть непріятеля, но глубина снѣга была по поясъ, а лыжъ, на которыхъ здѣсь только и можно было дѣйствовать, у насъ не было, итакъ одумавъ все сіи непреодолимыя препятствія и сообразя отдаленность свою на 20 почти верстъ отъ отряда и, замѣтилъ еще, что въ тылу моемъ была дорога отъ Люмюкъ, занятая непріятелемъ, выходящая прямо на Револакъ, въ которой сторонѣ въ сіе время услыхалъ я пальбу по прямому направлению довольно ясно до меня доходившую, рѣшился немедленно отступить, но непріятель уже бросилъ по обѣ стороны многочисленныхъ стрѣлковъ своихъ, которые открыли огонь раннимъ у меня одного рядового, оставшагося на мѣстѣ. Сіе нападеніе вновь рѣшило меня скорѣе отступить, и я собравъ разсыпанныхъ стрѣлковъ своихъ скорымъ шагомъ началъ отступать, опасаясь при томъ, чтобы непріятель изъ Люмюкъ не отрѣзъ менѣ отъ отряда нашего, для упрежденія чего шли мы почти на рѣсихъ до выхода сей дороги. Пройдя опную и слыша часть отъ часу сильнѣе пальбу въ лѣвомъ флангѣ отряда Булатова и не получая отъ него никакого извѣстія послать я къ нему сотника Лобачева съ донесеніемъ, что мною открыть идущій къ намъ непріятель; между тѣмъ, подойдя ко двору Хендузо и найдя тамъ позицію для себя выгодную, я рѣшился остан-

новиться здѣсь, разсыпать всѣхъ стрѣлковъ своихъ по обѣ стороны дороги, а кавалерію постоли на дорогѣ, дабы удерживала центръ нашъ. Лишь успѣхъ я сдѣлать мое распоряженіе, какъ непріятель показался изъ густого лѣса на площадь, пами занимаемую и покрытую кустами, сквозь которые ясно намъ его было видно; онъ шелъ тремя колоннами съ артиллеріей, изъ которыхъ одна пошла противъ насъ, другая пошла въ обходъ праваго моего, а третья колонна въ обходъ моего лѣваго фланга прямо на кирку Револакъ, за рѣкою отъ Булатовой квартиры въ прямой линіи. Осмотря такимъ образомъ непріятеля, я вторично послать къ Булатову гусарскаго корнета Заборовскаго сказать о всемъ подробно и что число непріятеля по крайней мѣрѣ 3000 человѣкъ. Посланъ, такимъ образомъ, двухъ офицеровъ къ генералу, я не получаю отъ него никакого повелѣнія на подкрѣпленіе; въ сей позиціи прѣѣхалъ ко мнѣ изъ отряда гусарскій ротмистръ Гроцкій, котораго я просилъ сказать генералу, что безъ сильнаго и скораго подкрѣпленія я не могу держаться противъ въ 20 разъ превышающаго меня непріятеля, что онъ и исполнить какъ я послѣ узналъ, но Булатовъ все оставался тѣмъ же деревомъ, которымъ я былъ. Наконецъ, вида сближеніе къ себѣ огромныхъ противу моихъ силъ непріятельскихъ и, не получая никакого извѣстія отъ Булатова, ибо всѣ мои посланные не возвращались, и видя притомъ явно, что меня отдаютъ на жертву, я дѣлъ повелѣніе отступить всѣмъ своимъ стрѣлкамъ. Въ самое сіе время непріятель открылъ по мнѣ пушечный огонь и ружейную пальбу, но я успѣхъ занять новое положеніе по обѣ стороны рѣки, ибо отъ дороги я былъ уже отрѣзанъ и такимъ образомъ, сблизясь съ отрядомъ Булатова, обезопасилъ тылъ свой; но въ сіе время присланъ ко мнѣ генеральнаго штаба капитанъ Сосинъ съ повелѣніемъ отступать къ киркѣ, где найду я батальонъ Пермскаго полка полковника Медосытова.

Такимъ образомъ, открыть огонь по приближившемуся ко мнѣ непріятелю, началъ я отступать; прибыть къ киркѣ въ никого не пашемъ, а видѣть, что колонна шведская идетъ по рѣкѣ почти наравнѣ со мною, не будучи ни кѣмъ обезшокониаема.

Въ сіе время Булатовъ, забывъ о моемъ назначеніи, открылъ огонь на кирку съ батареи, возль его квартиры расположенной; видѣ сіе мы, пригнувшись, пробѣжали линію своего огня и направились на рѣку, дабы не допустить непріятельской колоннѣ себя отрѣзать. На рѣкѣ нашли мы стрѣлковъ нашего полка, расположенныхъ поперекъ сїей подъ начальствомъ поручика Меньшикова и присоединились къ нимъ, вновь открыли сильный огонь противъ густой цѣпи шведскихъ

стрѣкоиъ, идущихъ предъ своей колонией, которая начинала поворачивать къ квартирѣ генерала Булатова на берегу, какъ сказано, бывшей, гдѣ и артиллериа наша находилась. Видя сіе, мы рѣшились броситься туда. Здѣсь не могъ я надивиться неимовѣрной храбости солдатъ нашихъ; одному изъ нихъ пуля попала въ киверь на палецъ отъ головы и пролетѣла сквозь онъ; онъ перекрестился и тотчасъ же началъ стрѣлять самъ! Подлинно, русскій непобѣдимъ съ хорошимъ начальникомъ. Придя къ квартирѣ Булатова я нашелъ хаосъ. Команды, возвращаясь изъ своихъ командировокъ, куда ихъ Булатовъ разоспалъ, и не видя тамъ непріятеля, а слыша пальбу адѣль, возвратясь, стояли безъ всякаго порядка; фурлайты, видя опасность, запрягали сами собою лошадей, скакали по дорогѣ къ Брахештадту, куда и офицерскій обозъ ускакалъ! Артиллеристы, метаясь и мѣшиаясь въ своихъ ящикахъ, беспорядочно расположенныхъ, при братьѣ зарадою производили крикъ, умножая тѣмъ еще болѣе суматоху. Увидѣлъ я и Булатова, посреди сего Вавилонскаго смѣшанія стоявшаго съ лицомъ блѣднѣмъ. Увидя меня онъ вскричалъ: „Леонтьевъ, въ штыки!“ — Я началъ устраивать людей, ибо шведская колонна стояла уже противъ нашей батареи, по которой давъ картечью, положили много на мѣстѣ, но она открыла жестокій ружейный огонь, и пользуясь нашимъ беспорядкомъ, ударила въ штыки. Среди сего убийственнаго огня, которымъ взоѣдь меня валило людей, какъ снопы, я желая устроить сколько можно своихъ солдатъ кричалъ: „стой рабата!“ и своими руками за веревки вѣль ихъ впередъ. Но дѣйствіе перекрестья огня и крикъ солдатъ нашихъ: „измѣна“ растроили все мои усиленія — одни бросились назадъ, другие стояли непоколебимо. Булатовъ, видя напоръ шведовъ и малую часть оставшихъ при насъ людей сказалъ мнѣ: „сдавайтесь, бросьте ружье!“ и подался первый назадъ. Не имѣя вовсе желанія быть пѣниномъ, я бросилъ къ лбесу съ нѣсколькими десятками солдатъ моихъ, и напавъ на тропинку, пустился по ней — самъ не зная куда и тѣмъ избѣжалъ плѣна. Булатовъ же отдался въ плѣнь, чѣму послѣдовали нѣкоторые офицеры подлецы и около 150 солдатъ. Въ седьмь сраженіи мы потеряли 4 орудія, 4 патронныхъ ящика и болѣе 400 человѣкъ, но знамена свои мы спасли.

Иди по тропинкѣ, мы наконецъ начали плутать, но къ счастію напали на какую то избушку, въ лѣсу стоявшую, и нашедь въ ней проводника съ помощью его дошли до селенія Олькіоки, измучась отъ усталости, гдѣ и нашли Калужскій полкъ колонны Тучкова. Здѣсь бросимъ бѣглый взглядъ на сіе несчастное сраженіе! На разсвѣтъ 15-го Аврѣля непріятель отъ стороны Лумпокъ атаковалъ отрядъ нашъ, но былъ отбитъ послѣ довольно жаркой перестрѣлки; вскорѣ Булатовъ получилъ

и отъ меня извѣстіе о новомъ приближеніи непріятеля съ другой стороны.

Тутъ умный человѣкъ, принять въ уваженіе важность нашего положенія на сообщеніяхъ оного и следствіено принужденість его дѣйствовать отчаянно на отрадѣ нашъ, чтобы избѣгнуть разобщенія, тотчасъ бы, осмотря положеніе мѣста, дабы наилучшимъ и выгоднымъ образомъ защитить себя, занять оное заблаговременно въ наилучшемъ порядкѣ и отгадать бы, что первое непріятельское нападеніе было только фальшивое, дабы отвлечь наше вниманіе отъ настоящаго пункта атаки. Но Булатовъ, сей смотритель садовъ (Булатовъ съ начала правленія императора Александра I-го по 1808-й годъ былъ смотрителемъ Петергофскихъ садовъ), оставилъ въ совершенной безопасности, и по окончаніи первой перестрѣлки, отпустя роты по квартирѣ, вѣль солдатамъ раздѣлиться и отдохнуть; первое и было исполнено, а второе нѣтъ ибо опытные прошлой войной 1807-го года, ротные командиры, чувствовали, что за сей перестрѣлкой неминуемо послѣдуетъ другая, важнѣйшая, ибо нельзя было и помыслить, чтобы непріятель безъ какой либо цѣли приходилъ къ намъ. Итакъ частные начальники остались въ совершенной осторожности, а главный, отправясь на свою квартиру, началъ пить кофе, разсказывать окружающимъ его, что не надо солдатъ беспокоить преждевременно и что одни атакуемыя роты пусть дерутся, а другія спать, „такъ, промолвилъ Булатовъ, бывало у насъ подъ Измайломъ 1791-го года, когда одна часть корпуса отбивала вылазку непріятельскую, а другая варила кашу.“ Итакъ сей жалкий генералъ не постигалъ, что осада крѣпости и защита полевой позиціи суть дѣйствія нивеличайшія противоположности. Вотъ какого начальника царь избралъ намъ.

Такимъ образомъ, попивая кофе, Булатовъ, получа отъ меня первое извѣстіе съ посланнымъ сотникомъ Лобачевымъ о марії непріятельскомъ сказали: „Вамъ показалось, — ступайте впередъ!“ и въ предложеніе не прикажетъ ли ротамъ быть въ готовности, отвѣчалъ: „издоръ, не надо показывать жителемъ, что мы боимся шведовъ!“ и оставилъ сотника у себя.

Получа другое отъ меня донесеніе и будучи спрошенъ адъютантами, не прикажетъ ли ударить сборь, сказали: „не надо“ и оставилъ на своей квартирѣ. Наконецъ, уже услыша пушечную пальбу, Булатовъ выскочилъ и первымъ его распоряженіемъ было послать батальонъ Пермскаго полка къ киркѣ, дабы прикрыть себя съ сей стороны, а

потомъ разсовалъ три нашихъ и 4 Пермскихъ гренадерскихъ роты такъ, что тѣ и непріятеля въ глаза не видали и многіе возвратились потомъ на пальбу къ Булатова квартирѣ, не выстрѣлившись даже ни одного раза; распорядясь столь великому дру, Булатовъ спокойно остался на своей квартирѣ, оставя у себя въ резервѣ одну первую гренадерскую роту. Наконецъ, получая часть отъ часу важнѣйшія свѣдѣнія о сраженіи, онъ, забывъ назначеніе Медосытова батальона, раскомандировалъ его въ разные, впрочемъ важные, пункты, черезъ что и допустилъ центральной шведской колоніѣ отрѣзать нась отъ роты Пермскаго полка, и мы остылись на этой сторонѣ рѣки, а тѣ, видя насъ окруженныхъ, заблагоразумѣли удалиться въ Брахенштадтъ, что и исполнили, оставя насъ на жертву. Вотъ причины сего жалкаго сраженія, гдѣ едва ли есть нашей стороны дѣлти человѣкъ сражалось противъ 3000 шведовъ, и подробности котораго описывать скучно и досадно. Теперь обратимся къ слѣдствіямъ сего сраженія. Получа первое извѣстіе о сраженіи отъ Гродненскихъ гусаръ, Тучкою съ двумя егерскими полками и 4 орудіями бросилася къ намъ на помощь, но узнавъ о слѣдствіяхъ онаго, вмѣсто того, чтобы врасплохъ ударить сими силами на торжествующаго непріятеля, который, какъ обыкновенно и бываетъ, оставался въ сіе время безпорядкѣ, и тѣмъ вырвать победу изъ рукъ его, покинулъ въ Брахенштадтъ и въ тотъ же день началь отступать къ городу Гамле-Корлеби; пришель, какъ я сказать, въ Олькюки и найдя тамъ свои сани, и упала въ нихъ отъ усталости и спать почти цѣлыя сутки, не спать весь день 14-го и всю ночь 15-го апрѣля и сѣдѣвать притомъ по крайней мѣрѣ въ 50 верстъ переходъ, большей частью пѣшкомъ. Въ Гамле-Корлеби полувиши мы радостное извѣстіе о взятии нашими войсками неприступныхъ твердынь Свеаборга и праздновали сіе событие, поправившее наше положеніе, благодарственными Господу Богу молебствіемъ, съ пушечной пальбою. Здѣсь также получили мы манифестъ Александра I-го о присоединеніи великаго княжества Финляндскаго къ Россіи и повелѣніе привести жителей къ присягѣ на вѣрность и подданство, что и учинено нами при пушкахъ заряженныхъ картечью и при собраніи всей почти дивизіи въ сей городъ, ибо новые вѣрноподданные весьма неохотно исполняли ону. Такъ кончился первый походъ нашъ! И дворъ нашъ, мечтая овладѣть въ одинъ походъ всю Финляндію, (и тѣмъ погремѣть по Россіи, огорченной Тильзитскимъ миромъ) поздно увидѣлъ, что война только начиналась при открытии весны, и что мы дорого заплатимъ за вѣроломное нападеніе наше на беззащитную Финляндію.

Глава VIII.

Взглядъ на городъ Гамле-Корлеби, и всю шведскую Финляндію, нами по 1-е мая 1808-го года пройденную.

Городъ Гамле-Корлеби лежацій на рѣкѣ Корлеби въ разстояніи отъ Ботническаго залива; въ ближайшемъ разстояніи есть портовой, егдѣстственно и торговыи городъ, въ гавани котораго и при нась, не виная на прекращеніе торговли, стоялъ готовый къ отправленію прекрасный купеческій корабль. Строеніе сего городка очень хорошее, улицы широкія, ратуши и другія публичныя зданія прекрасныя, ряды богатые; однимъ словомъ это прелестный городокъ, въ которомъ жителей до 4000. Вообще весь сей край, нами теперь пройденный, представляетъ совсѣмъ противоположную картину нашей Финляндіи. Здѣсь отъ самой Сантъ-Кристини или пограничной шведской кирки, въ направлениі къ Улеаборгу чрезъ Куопіо и отъ Брахенштадта до Гамле-Корлеби, вы найдете прекрасные крестьянскіе дома, часто въ иѣсколько комнатъ, покрытые тесомъ и выкрашенные красной краской, что при бѣлизнѣ снѣговъ дѣлаетъ видъ отмѣнно пріятный. Внутренность сихъ домовъ представляетъ чистоту и опрятность, можно сказать, удивительную; адѣсь вы увидите комнаты пространныя, довольно высокія съ большими окнами, кафельными голландскими печами, и сіи комнаты обштукуатурены и выбѣлены.

Это вообще у всѣхъ крестьянъ, а у содерзателей земель или арендаторовъ вы найдете большія и, можно сказать, огромные дома съ прекрасными и многочисленными экономическими постройками. Само по себѣ разумѣется, что здѣшніе пасторы живутъ въ большомъ изобиліи и такъ, какъ у насъ помѣщикъ отъ ста душъ. Сіи дома крестьянъ, пасторовъ и арендаторовъ во внутренности шведской Финляндіи или въ провинціяхъ Сиволакской, Карельской, Инніладской, части Вазовской и Улеаборгской разсаны по разницѣ или гдѣ однѣ, гдѣ два дома, но это не только адѣсь не дѣлаетъ неудобства, но даже одушевляетъ сей, порошій огромными лѣсами и, можно сказать, загроможденный ужасной величины гранитами, край. Но берега Ботническаго залива представляютъ совсѣмъ другой видъ. Здѣсь почти на каждыхъ 5-ти верстахъ встрѣчаете огромныя селенія, часто въ 100 прекрасныхъ, большихъ и поѣстительныхъ домовъ, гдѣ обитають счастливые поселеніе здѣшнаго края. Однимъ словомъ, весь край сей представляетъ картину изобилія и счастія обитателей онаго! картину, на которую съ восхищеніемъ изглажетъ всякий другъ человѣчества.

Что доставляет средства къ таковому устройству? откуда такое изобилие въ столъ уединенному уголку земного шара? Вотъ вопросы, которые всякий можетъ себѣ сдѣлать, и на которые не трудно дать подробный отвѣтъ. Извѣстно, что вся Финляндія покрыта огромными лѣсами въ углубленіи которыхъ еще, быть можетъ, нога человѣческая не бывала отъ сотворенія оныхъ! Сіи то лѣса, состоя изъ сосны, ели и березы, доставляютъ жителямъ внутреннихъ провинцій материаль для строенія домовъ и всего прочаго, для ихъ устройства нужнаго, доставляя въ то же время деготь, смолу, доски и уголья, что все, быть сплавляемо рѣками и озерами, во множествѣ здѣсь имѣющимися, до портовыхъ городовъ по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ Балтии лежащихъ, доставляютъ или наличныя деньги, или нужные продукты; во-вторыхъ самое положеніе края сего, ииаменное и сырое, даетъ во множествѣ траву сочную и здоровую, которая, быть обращена въ сено, доставляетъ средства къ огромному скотоводству, которое доставляетъ хороший доходъ отъ масла, сыра и шерсти, и при томъ еще надо замѣтить, что здѣшній рогатый скотъ одинаковой породы съ простымъ нашимъ, а о мериносахъ тамъ и понятія не имѣютъ. Что жъ, если бы тамъ улучшили породы рогатаго скота и овецъ лучшими породами, у насъ извѣстными, каково бы еще умножилось богатство жителей? содержать же самый лучшій иѣжиній скотъ имѣютъ они все средства, какъ въ прекрасныхъ и покойныхъ помѣщеніяхъ и теперь для обыкновенной ихъ скотины строящихъ, такъ и въ огромномъ количествѣ сѣна. Сверхъ сихъ, описанныхъ мною, выгода надо припомнить еще о множествѣ зибрей, дичи и въ озерахъ водящейся, хотя и въ небольшомъ количествѣ, рыбы, тогда мы будемъ имѣть понятіе о источникахъ, откуда почерпается богатство жителей. Губерніи же Вазовская, Абосская, Гельсингфорская, Нюландская производить еще и хлѣбопашество въ довольною количествѣ, особенно ржи, извѣстной у насъ подъ именемъ Базы, и которую продаютъ за столь высокую цѣну. При сихъ выведенныхъ мною выгодахъ приятно замѣтить, что финляндскій крестьянинъ, хотя и неповоротливъ, будучи флегматиченъ, при всемъ томъ онь большой экономъ и мастеръ своего дѣла. Все это сказать я о внутреннихъ провинціяхъ, но о приморскихъ еще прибавить надо: выгодное построеніе морскихъ судовъ и хороший сбытъ оныхъ, рыбная изобилійшная ловля по обоимъ заливамъ рыбъ разнаго рода, и заморская торговля приносить сию послѣднимъ неисчислимые выгоды. Въ домашней пинѣ финляндцы очень неприхотливы, часто конченаго мяса, молока и сельдей съ кускомъ хлѣба сухого, называемаго коржами, достаточно для его насыщенія; сей хлѣбъ какъ единственный въ Европѣ достоинъ быть здѣсь описанъ. Сей хлѣбъ

или сіи коржи дѣлаются такъ: тѣсто ставится прѣсное, потомъ изъ онаго дѣлаются лепешки, которыя, быть крутого тѣста, надѣлаются на скалку или коротенькой шестѣ, который впускается въ испопленную печь и держится дотолѣ, пока сіи лепешки не засушатся до послѣдней степени сухости, послѣ чего, вынувши изъ оныхъ скалку, снимаютъ коржи и употребляютъ ихъ въ пищу. Хлѣбъ сей очень не вкусенъ, особенно для насъ, русскихъ, привыкшихъ съзмаленька къ вкуснымъ и прекраснымъ хлѣбамъ.

Зимой вы увидите всякаго крестьянина, юдущаго на прекрасной тамошней маленькой, кругленькой и красивой лошадкѣ, въ родѣ нашихъ вятскихъ, у которой грива острижена какъ у нашихъ стригуновъ, что доставляетъ ей особенно пріятный видъ; запряженной въ чистыя и видныя санки въ родѣ нашихъ городскихъ; лѣтомъ у нихъ двухколесная прекрасная повозочки, въ родѣ нашего кабролета, весьма красивыя и покойныя. Но за то вы не увидите во всей Финляндіи ни одной кареты, ни даже коляски, у самаго лансгерднга или губернатора зимой единственный экипажъ, сани, съ тою разницею, что у его лошади наезжано множество бубенчиковъ, вѣроятно, для того, чтобы ему давали дорогу. Въ Куопіо мы у него обѣдали, онь былъ въ синемъ мундирѣ съ золотымъ дубовымъ шитьемъ на воротникѣ и общагахъ и въ орденѣ сѣверной звезды, но его столъ былъ по нашему самый обыкновенный домашній, а о десертѣ онь и не вѣдалъ; прислуга состояла изъ двухъ или трехъ дѣвокъ; вина не подавали никакого, ни даже наливокъ, но послѣ обѣда подавали кофе. Изъ сего описанія видно, что въ Финляндіи богатство раздѣлено между многими, тамъ нѣть ни чрезамѣрно богатыхъ, ни чрезамѣрно бѣдныхъ.

Глава IX.

Переходы, всеобщее восстание народа, походы, сраженія и перемирие. Конецъ кампаніи и выходъ въ отставку или подача о семъ просьбы.

Изъ Гамле-Корлебли въ половинѣ Мая перешли мы съ остатками своего батальона въ близлежащее селеніе Недервитель, где и получили новаго начальника въ лицѣ генераль-лейтенанта Раевскаго, а Тучкова государь отставилъ за худое и медленное распоряженіе, не сообразъ, что въ его дивизіи было до 3000 человѣкъ рекрутъ. Въ сіе

время мы безпрестанно получали подрывления такъ, что въ началѣ Іюна у насъ состоялся корпусъ выше 10000 простиравшійся; съ симъ корпусомъ генералъ Раевскій отступилъ къ киркѣ Лапо для сближенія съ нашими магазейнами, а мы въ числѣ отряда, составленного изъ полковъ: Великолуцкаго, Пермскаго, 23-го Егерскаго и остатка нашего, подъ командою генералъ-майора Яковича отошли къ городу Ни или новому Корлеби. Сей городокъ очень хороши, и особенно видъ залива, на которомъ въ то время стоялъ корабль, давшій картину прелестнѣшую. Здѣсь жителей до 3000, но городская ратуша столь огромна, что годилась бы и для обширнѣйшаго города. Простоявъ иль семь го-родѣ иѣсколько днѣй, мы выведены были въ селеніе, близъ онаго лежащее, и въ нашемъ здѣсь столь прелестное мѣстоположеніе, что не взирая на громъ войны, не могъ отказать себѣ иль наслажденіи цѣ-тущею природою, роскошно предъ глазами моими раскинутую. Часто, сидя у окна на берегу рѣки и любуясь мирною сельскою тишиной, я забывалъ или старался забыть день ото дня становившееся тѣгостнѣшімъ наше военное положеніе, для описанія котораго долженъ иѣ-сколько подробнѣе вникнуть въ тогдашнія обстоятельства.

При самомъ впаденіи нашемъ въ Финляндію шведскій король Густавъ IV-Адольфъ издалъ манифестъ къ своему народу, обвиняя, и справедливо, правительство наше въ вѣроломномъ вторженіи въ предѣлы своего государства. Сей манифестъ произвелъ свое дѣйствіе, посыпъ въ народѣ непримируемую къ намъ ненависть, подавляемую только страхомъ быстрого и самонадѣянаго нашего похода во время зимы, по суровости своей отнимавшей всѣ средства у обывателей предить намъ, но при всемъ томъ, въ рѣчахъ и поступкахъ мы ясно видѣли ихъ къ себѣ ненависть, особенно въ Улеаборгской губерніи и на берегу Ботническаго залива; уже въ Апрѣль мѣсяцѣ они генерала нашего Тучкова изъ Брахенштадта провозгали каменями, и въ начальѣ Мая картина общаго возстанія явилась во всей своей ужасающей силѣ.

Наступившее теплое время дало возможность жителямъ угнать свой многочисленный скотъ въ глубокіе лѣса, удаленные отъ населенія, вскорѣ потомъ они проводили туда жену и дѣтей своихъ, и увезли лучшія свои имущества, приналисъ за оружіе. Здѣшній край, наполненный зѣбрами и дичью всякаго рода, естественно произвелъ въ обитателяхъ нужду, а потому и охоту стрѣлять, сѣдовательно, здѣсь всякий житель стрѣлокъ, и стрѣлокъ славный: здѣсь у всякаго почти крестьянина есть ружье, какъ первая потребность. Итакъ, воспиряя

намѣреніе мстить за оскорблѣнныя права своего государя, они явились страшными и опасными нашими непріятелями, тѣмъ болѣе, что и сама мѣстность края покровительствовала ихъ внезапнымъ нападеніемъ и скрытымъ ретирадамъ. Такимъ образомъ, мы, вмѣсто дѣйствія арміи шведской, увидали, что намъ предлежитъ вести войну, и войну отчаинную, съ тремя или четырьмя стами тысячъ разъяренныхъ крестьянъ, которыхъ еще болѣе возбудило объявление короля, что они будутъ наградою завоевателей и поступать въ крѣпостное владѣніе къ русскимъ генераламъ.

Первое возстаніе произвело селеніе Лохто, учинивъ нападеніе открытою силою на проходившій нашъ аріергардъ къ Гамле-Корлеби. Генералъ Тучковъ, желая наказать и устрашить жителей, оборотя войска къ сему большому селенію, превратилъ его въ развалины, но сіе только усилило общее мщеніе. Съ сего времени, крестьяне подъ предводительствомъ своихъ пасторовъ, гражданскихъ чиновниковъ и присланныхъ изъ шведской арміи офицеровъ, начали истреблять мости, зажигали лѣса на пути нашемъ и приводили тѣмъ наше часто въ опаснѣшее положеніе, сверхъ сего истребляли наши разыѣзы и изыща-тельные посты, курьеровъ и патрули; однимъ словомъ, мы стали окру-жены непріятелемъ со всѣхъ сторонъ и даже не могли безъ опасности потери жизни отлучиться на иѣсколько десятковъ отъ своего лагеря; бывали примѣры, что отдалившіеся, во время марша отъ во-лони на иѣсколько сажень, бывали встрѣчаемы выстрѣлами, какъ напримѣръ, нашего полка капитанъ Золотухинъ, а другіе, между колон-ною и аріергардомъ бѣдущіе въ обозѣ, были убиты, какъ напримѣръ, человѣкъ командира нашего отряда генерала Яковича, Фхавшій на его бричкѣ. Обозы наши, чуть отставшіе отъ аріергарда, были ограблены, а лошади и люди уводимы, какъ и со мной случилось въ начальѣ Августа, когда отставшій мой денщикъ былъ взятъ со всѣмъ моимъ имуществомъ, и я остался въ одномъ мундирѣ и даже безъ верховой лошади, которую также въ то время отбили возмутившіеся мужики. Разумѣется, что во время сихъ нечаянныхъ нападеній изъ густыхъ лѣсовъ и изъ за каменъ, лежащихъ по обѣ стороны едва ли въ 10 аршинъ шириной дороги, мы тотчасъ дѣлали стрѣлками сно-ими поиски и когда удавалось ловить сихъ иступленныхъ, то предавали ихъ военному суду, а внослѣдствія и разстрѣливали ихъ наши генералы по данной имъ власти, но все сіе не дѣлало нашего положенія лучшимъ. Дерзость, возмутившихся крестьянъ устраивавшихся по временамъ въ сильныхъ ополченіяхъ, столь была велика, что они въ Іюль и Августъ открытою силою нападали на усиленныхъ прикрытія нашихъ

магазейновъ, какъ то: въ киркѣ Нуумярви, гдѣ егерскіе полки защищали большой магазейнъ нашъ и неоднократно были атакованы тысячами отчаянныхъ крестьянъ, предводимыхъ прислаными къ нимъ отъ короля армейскими штабъ-офицерами. Однъ разъ и самъ нашъ главнокомандующій Буксгевденъ въ окрестности города Або едва спасся въ окно отъ нападенія сихъ отчаянныхъ, несмотря на то, что карауль главной квартиры занималъ батальонъ пѣхоты съ нѣсколькоими пушками. Сіе всеобщее восстание лишило наше подвоза продовольствія, ибо не было ни лошадей, ни людей ни въ одномъ селеніи, да и собственный свой хлѣбъ они зарывали въ землю или заранѣе вывозили изъ отдаленіе и едва проходимые лѣса свои и ущелья; итакъ, сверхъ всѣхъ описанныхъ бѣдствій, надъ нами обрушившіхся, мы съ половины Іюна начали претерпѣвать и голодъ, для утоленія котораго и снискавія дневного пропитанія себѣ, мы устремились съ сильными командами въ глубокіе лѣса, перехода камни и болота для отысканія онаго. Часто случалось нападать на тропинки, приводившія наше къ насущимся стадамъ ихъ, и тогда мы пировали, а часто возвращались ни съ чѣмъ. Только однихъ женщинъ и стариковъ мы видели при стадахъ сихъ, а молодыхъ никого, ибо они были на поискахъ и потому то при сихъ случаяхъ проливалась только кровь животныхъ, а не людей. Приспѣвшая въ Августѣ уборка съ полей хлѣба производилась женщинами, и мы не препятствовали сему для своей выгоды, но въ то время, когда женщины убирали съ полей хлѣба, а старики оныя засѣвали, мужья и сыновья ихъ, въ благодарность за кроткое съ ихъ семействами наше обращеніе, стрѣляли въ наше изъ за лѣсовъ и каменьевъ. Среди сего хаоса государь нашъ издавалъ прокламаціи о всепрощеніи съ утверждениемъ, что крѣпостное право никогда въ Финляндіи вводимо не будетъ, но съ другой стороны Густавъ IV-й, издавая воспаменяющія свои воззранія, приглашалъ народъ къ оружію для отомщенія наглымъ прішельцамъ и подкрѣпилъ сіи воззранія высадкамиъ войскъ своихъ при Або, Ваагѣ, Гамле-Корлеби и Христіанштадтѣ. Сіи высадки, воспаменя и подкрѣпленія жителей, развлекали во многія мѣста силы наши. Александръ I-й, видя столь для него неожиданное сопротивленіе, вновь ввелъ въ Финляндію двѣ дивизіи пѣхоты и вторые батальоны своей гвардіи. Кровь полилась рѣками на морѣ и на суши, и мы впервые увидали, что значитъ народное восстание. Но обратимся къ тогдашнему ходу пріиѣствій. Запятъ, какъ выше сказано, постъ въ Ни-Корлеби, генералъ Яковичъ имѣлъ сильнаго непріятеля противъ себя и сверхъ сего долженствовалъ озабочиться дорогою на Лотю, по которой непріятель могъ изъ густыхъ лѣсовъ черезъ селеніе Сорвисто отрѣзать намъ единственное сообщеніе съ корпусомъ генерала Раевскаго, стоявшимъ предъ киркою Лаппо на соединенныхъ дорогахъ изъ городовъ Вазы, Христіанштадта и Ни-Корлеби. Въ семъ положеніи по recommendationи полковника Турчанинова, Яковичъ поручилъ мнѣ важный постъ у селенія Нижнаго-Япо, дѣлъ мою команду съ сотникомъ Поповымъ 20 казаковъ. 11-го Іюна отправился я съ казаками къ мѣсту моего назначенія и дѣлая беспрестанные разыѣзы до Верхнаго-Япо, всѣ суда, бывшія на рѣкѣ, истребилъ, прорубивъ у нихъ дно, дабы лишить непріятеля возможности къ переправѣ. На разсвѣтѣ 12-го числа замѣчено мною при деревнѣ Нижнемъ-Япо движеніе непріятеля, шедшаго къ берегу рѣки съ фашинами и досками для переправы. о чѣмъ ту же минуту и даль вѣ знать генералу. Дѣлая дальнѣйшее наблюденіе, я замѣтилъ, что непріятельская колонна, пришедшая на переправу, могла простираться до 1000 человѣкъ строевой пѣхоты, и которая, переправясь черезъ рѣку, послѣдовала черезъ дорогу въ лѣсъ къ сторонѣ Ваагской дороги, о чѣмъ побѣхъ и самъ донести генералу, произведя впередъ пистолетную перестрѣлку моихъ казаковъ съ непріятелемъ. Яковича я напѣль у деревни Ютасъ съ батальономъ пѣхоты и двумя орудіями, расположившимся принять непріятеля; въ семъ расположеніи поручена была мнѣ цѣль Великолуцкаго полка стрѣлковъ, которыхъ я и расположилъ выгоднымъ образомъ, но въ сіе время Яковичъ получилъ извѣстіе о непріятельской атакѣ на нашъ авангардъ за городомъ, расположенный подъ начальствомъ полковника Флорова и въ то же самое время узнали, что онъ уже побѣжалъ! Тогда Яковичъ, нереведя весь отрядъ за городъ и рѣку, обратилъ туда свое вниманіе и началъ тамъ пушечную пальбу по показавшейся непріятельской кавалеріи. Видя, что генералъ, будучи озабоченъ двойнымъ наше нападеніемъ, упускаетъ изъ виду дорогу на кирку Лаппо, гдѣ непріятель, утвердясь, повѣзъ на наше сильную атаку, я побѣхъ къ нему и напомнилъ о важности сообщенія съ главнымъ корпусомъ; поблагодаривъ меня, онъ поручилъ мнѣ открыть дорогу на Оровайсъ, что мною и выполнено. Тогда Яковичъ, видя сильный напоръ шведовъ, началъ отступать, а мнѣ поручилъ съ батальономъ 23-го егерскаго полка при майорѣ Бражниковѣ прикрыть отступленіе отряда. свѣсти пушки отъ Ютасъ и забрать Великолуцкихъ стрѣлковъ, по дорогѣ къ Нижнему-Япо разсыпанныхъ; исполнивъ все сіе, я догналъ генерала уже при киркѣ Мунсало, гдѣ онъ, благодаря меня за всѣ мои распоряженія, общалъ представить къ наградѣ, но въ семъ соглашь. Въ сей сраженіи, гдѣ мы, имѣя до 3000 человѣкъ войска, были атакованы 10000 корпусомъ генерала Адлеркрейца, мы не потеряли почти ничего, кроме 30 человѣкъ рядовыхъ съ однимъ офицеромъ, оставшихся на посту своемъ близъ бе-

рега залива, о которомъ Янковичъ забылъ и оставилъ оныхъ отъ своего нежиманія въ жертву непріятеля.

Такимъ образомъ, по окончаніи сего дѣла, мы черезъ Оравайсъ и Илангаро соединились съ корпусомъ Раевскаго при киркѣ Лаппо, который вскорѣ отступилъ чрезъ Куортанъ къ киркѣ Аливо; отсюда посланъ и генераломъ Раевскимъ для открытия той дороги, которая шла изъ Куортани въ тылъ нашего корпуса и осмотра оной—удобо проходима ли она для пѣхоты и артиллеріи, ибо сей дороги на карте не описано, вслѣдствіе чего, получа изъ мою команду 40 рядовыхъ при одномъ офицерѣ, въ 10-го Юни выступилъ въ моему назначенню и открылъ, что сія дорога непроходима для артиллеріи, но пѣхота, хотя и не безъ труда, пройти можетъ, избираясь по мѣстамъ на высокіе граниты. На сей дорогѣ открыты мнози небольшія селенія: Техна и Разембры; въ послѣднемъ я остановился дать отдыхъ солдатамъ отъ многотрудного перехода, ночью вами совершенного, и найдя здѣсь велико количество скота, дать своимъ солдатамъ обѣдъ, котораго они давно не имѣли уже. Послѣ сего (послѣдняго) отрядъ унтеръ-офицера съ семью рядовыми еще впередъ до селенія въ самой близости отъ Куортани лежащаго и называемаго Леппи-Кюля, и получа донесеніе, что дорога все такая же и узналъ отъ жителей, что въ Куортани шведовъ ить, и сождавъ несносный жаръ 11-го числа, а въ то же число въ ночи прибыль къ корпусу и о своемъ порученіи донесъ. Черезъ несколько дней мы еще отступили до кирки Эвесткюла и, какъ говорили, то для того, чтобы сблизиться съ своимъ продовольствіемъ, но послѣднія показали, что Раевскій отступалъ изъ одной трусости и что изъ сей стороны вѣсъ наши магазеибы были истреблены, а находился только одинъ въ Сааріярви, до котораго мы никакъ достигнуть не могли, иначе какъ съ потерю большого пространства мѣста. Въ Ивѣтиль узналъ я о хитростяхъ генерала Булата, который спасая себя, писалъ изъ пѣни资料 of his own, that he had been ordered to retreat by General Radevsky due to his own cowardice and that the supplies at Saarijärvi had been destroyed. He also mentioned that they had reached another village called Leppi-Küla where they found out that the Swedes were still there. They had to retreat again because they had lost their supplies and were facing a severe shortage of food. The letter ends with a request for reinforcements and supplies.

това, а еслиъ онъ не рѣшился исполнить нашего желанія, то собственная слава его требовала объявить о семъ высшему начальству, что и сдѣжалось, и наше письмо, гремѣть по арміи, ходило по рукамъ всего Петербурга. Всѣ славили высокія чувства чести Могилевскихъ офицеровъ, и называли наше героями, сего то я и хотѣлъ, дабы показать, какою быть долженъ начальникъ, не умѣвшій съ таковыми офицерами разбить непріятеля. Вотъ списокъ съ подлинаго письма:

„Господину генералу лейтенанту Раевскому.

„Изъѣхавши, что Ваше Превосходительство изволите дѣлать съ войсками движение, всевокорнейше просимъ, чтобы Вы позволили и нашему батальону быть участниками въ славѣ храбрыхъ войскъ Россійскихъ и раздѣлить лавры победы ихъ!

„Вашему Превосходительству известно, что мы, потерявъ своего шефа, находимся теперь у прикрытия транспорта, по желаніи вознаградить сю потери и отомстить непріятелю ту поверхность, которую мѣсто и многочисленность ему единственно дали, осмысливаемъ изъяснить желаніе всѣхъ наше быть употребленными въ дѣйствіе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ честь быть подъ командою Вашею. Мы увѣрены, что Ваше Превосходительство исполните желаніе остатка отъ Могилевского полка, который ревностно желаетъ служить Государю своему и отечеству.“

Подлинное подписаніе:

Майоръ Захаровъ,

Капитаны: Золотухинъ, Сербинъ, Леопольдъ, штабсъ капитанъ Ивановъ 2-й.

Отвѣтъ:

„Господамъ штабу и оберъ офицерамъ Могилевского мушкетерскаго полка.

„Письмо, писанное Вами и исполненное благородными чувствами, я получилъ. Я въ оныхъ никогда не сомнѣвался, репутація полка Вашего извѣстна. Желалъ бы дать случай усердію Вашему, еще болѣе оказать на оныѣ, но Вы должны сами разсудить, что когда нужно дѣлать откомандировки, то гораздо полезнѣе для службы дѣлать изъ тѣхъ полковъ, которые уже разстроены, чѣмъ разстраивать оныѣ цѣлые полки. Вотъ причины, которыхъ заставили меня употребить Васъ

у прикрытия Вагенбурга. Впрочемъ, будьте увѣрены, что я за честь себѣ поставилъ имѣть такихъ подъ командою, какъ Вы.

„Остаюсь съ истиннымъ почтениемъ, почтенные господа,

„Покорный слуга Николай Раевскій генераль-лейтенантъ.“

Вскорѣ послѣ сего генераль-лейтенантъ графъ Николай Каменскій прибылъ къ намъ, и принялъ по Высочайшему повелѣнію весь корпусъ въ свое начальство, обратилъ оный впередъ на непріятеля, а намъ приказано сдѣлать сдѣлать въ Сѣверскій полкъ нашей дивизіи, самимъ съ знаменами идти въ городъ Тавастгустъ къ сформированнымъ изъ привыкшихъ туда, находившихся во Франціи пѣхінныхъ двумъ батальонамъ, причемъ, осматривъ малые риды наши, громко кричали: „храбрые Могилевцы, я надѣюсь попрежнему встрѣтить Васъ на воль чести“.

Намекая тѣмъ на прошлогоднюю французскую войну.

Всѣдствіе сего мы, выступа со знаменами черезъ Корнилакъ, Оринеси и Палкине прибыли въ Тавастгустъ. Здѣсь нашли мы готовымъ уже къ походу новый полкъ свой; явясь къ шефу своему полковнику князю Александру Васильевичу Сибирскому, вручили ему знамена; и получилъ 4 роту 2-го батальона въ свое командованіе.

Городъ Тавастгустъ есть губернскій городъ Нилаандской губерніи и лежитъ на берегу огромнаго озера Ваноя-веси; строеніе въ немъ очень хорошее, но большую часть деревянное и жителей въ немъ до 8000 душъ; болѣе разсмотрѣть въ оно не могъ потому, что пробылъ въ немъ однѣ только днѣ.

Здѣсь узнали мы, что полкъ нашъ назначенъ въ составъ отряда генераль-майора Ушакова, и должны идти къ киркѣ Нууміарва, куда мы выступа, сдѣдовали черезъ прелестный городокъ Таммеморсъ, лежащій на возвышеніи между двумя озерами Несіарви и Сорванеске, давающимъ для него прекраснѣшіе виды, и черезъ очень богатое селеніе Киро. Генерала Ушакова съ Литовскимъ пѣхотнымъ, батальономъ егерей, иѣсколькими орудіями батарейной артиллеріи, ротой капитана Трацицына и эскадрономъ уланъ полковника Вышеславцова нашли мы стоящими биваками предъ Нууміарвъ, где и соединились съ нимъ. Отсюда Ушаковъ командировалъ 2 роты нашего полка съ легкимъ трехфунтовымъ единорогомъ къ селенію Скаптсъ для наблюденія дороги изъ Лампфорда; въ числѣ сихъ ротъ была и моя, иами командовалъ майоръ Захаровъ. 18-го августа полу-

чилъ нашъ майоръ предписаніе: 19-го на разсвѣтѣ атаковать киркѣ Сторе и Лампфордъ и вытѣснить изъ оныхъ непріятеля, а Ушаковъ въ то же время будетъ атаковать Нууміарва и выбѣтъ оттуда шведовъ.

Майоръ, получа предписаніе, не зналъ что дѣлать, ибо не могъ никакъ сдѣлать распоряженія и потому приѣхѣть ко мнѣ; здесь я имѣть первый случай сдѣлать собственный мой планъ атаки и съ удовольствиемъ пріятнаго воспоминанія оный помѣщаю: 1-ое) войско движется 18-го Августа по заходженіи солнца въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ изъ 40 человѣкъ охотниковъ подъ командою поручика Чурилова, вслѣдъ за онимъ 1-я колонна изъ 135 человѣкъ подъ командою капитана Сербина. 2-я того же числа подъ командою капитана Золотухина, 3-я того же числа подъ командою капитана Леонтьева, то есть мою, и съ ней 3 фун. единорогъ.

2-ое) коль скоро авангардъ откроетъ на непріятеля, то въ то же время стремительно атакуетъ онаго; сю атаку 1-я колонна подкрѣпляетъ всею своею силою, а 2-я колонна устремится во флангъ непріятеля справа; 3-я колонна, служа резервомъ и вмѣстѣ центромъ, произведетъ патрікъ въ центрѣ непріятельской позиціи, очищая бѣгущаго непріятеля пушечной пальбою. Дальнѣйшее распоряженіе будетъ дано на мѣстѣ. Но сіе распоряженіе осталось безъ сраженія, ибо мы едва подошли къ киркѣ Сторе, какъ и получили предписаніе возвратиться въ отряду, который, произведя на разсвѣтѣ неудачную атаку, возвратился въ свою позицію. Здѣсь глупость превозмогла храбрость, и генераль Ушаковъ дѣятельно доказалъ, что по дурацкому плану и храбрые духомъ и превосходные числомъ войска ничего не сдѣлаютъ противъ искуснаго расположенія малаго числа воиновъ, предводимыхъ умомъ и храбростью. Соединивъ весь свой отрядъ, Ушаковъ не зналъ на что рѣшился,— атаковать непріятеля боялся! а не идти впередъ на непріятеля не смѣялъ, ибо получилъ отъ графа Каменскаго повелѣніе бить оного и идти къ нему на соединеніе черезъ кирку Ильмоля, потому что Каменскій гналъ шведскую армию отъ Куортаны. Наконецъ Ушаковъ размысли, что отъ опасности огня непріятельского въ его чинѣ избавиться можно, ставъ, какъ говорится, въ благородной дистанціи, а отъ военнаго суда за неисполненіе повелѣнія отѣзгаться нельзя, повезъ насы 20-го Августа къ Нууміарва. Приѣхѣ туда и не найдя тамъ непріятеля, мы послѣдовали къ киркѣ Каухаюкъ; гдѣ 21-го, атаковавъ, разбили шведовъ. Въ семь сраженій принималъ въ большее участіе, потому что въ первый посланъ быть съ свою ротою въ подкрѣпленіе егерей и выбить непрі-

тельскихъ стрѣлковъ, преслѣдовавъ ихъ по дорогѣ въ Христіанштадту, при чмъ отбить у него съ зарядами ящики и взято 5 человѣкъ пѣхинныхъ, но и за сѣе сраженіе я также ничего не получилъ. Здѣсь искусный и честолюбивый генералъ, бывши на мѣстѣ Ушакова, произвѣлъ бы славное дѣло! Надлежало, остава одинъ батальонъ пѣхоты съ 4 орудіями и по мѣстному положенію эскадронъ улавъ противу непріятеля, занявшаго позицію предъ дорогою Христіанштадтскою, съ самаго начала дѣла устремить главныя силы свои, изъ 13 ротъ пѣхоты и батарейныхъ орудій состоявшія, на войска шведскія, пошедшія по дорогѣ на киркѣ Ильмода и, разбивъ ихъ, ступить на дорогѣ у киркѣ Лаппо, какъ на пути ретирующейся отъ Куортанніи непріятельской разбитой Каменскімъ арміи и тутъ, поражая ее съ тыла, заставить бы оную или, положа оружіе, сдаться или пробиваться насквозь и потерять всю артиллерию и багажъ. Что сїе легко было сдѣлать, то надо сказать, что нашъ полкъ, сформированный изъ старыхъ, обстрѣленныхъ и неустрашимыхъ солдатъ, между которыми было иѣсколько суворовскихъ вскомлениковъ, готовыхъ на все, да и Литовскій полкъ много имѣлъ старыхъ солдатъ, въ прошломъ году обдержаныхъ, и егерей очень хорошихъ. Сдѣдовательно, стоило генералу собрать сихъ храбрыхъ воиновъ, сказать имъ рѣчь (какъ бывало въ прошлую войну 1807-го года) воинственную и вести ихъ прямо въ жестокій огонь! Но могъ ли сдѣлать сїе глухой Ушаковъ? Никакъ! Онъ остановился въ Каухіакахъ отдыхать на лаврахъ, его достойныхъ! Глупецъ сей, если бы на другой даже день пошелъ къ Ильмодѣ, то все бы имѣлъ, хотя ту славу, что вмѣсть съ авангардомъ Каменскаго вступилъ бы въ преслѣдованіе непріятеля, но мы, напротивъ, простояли здѣсь три дни и даже дѣлали, Богъ знаетъ для чего, полевыя укрѣпленія!

Наконецъ, получа стражайшее повелѣніе отъ Каменскаго, Ушаковъ повелъ насы 25-го Августа черезъ Ильмодѣ къ Сторкиро, гдѣ мы 30-го Августа и соединились съ корпусомъ графа Каменскаго и продолжали ити по пятамъ непріятеля до киркѣ Лилкеро, гдѣ Каменскій, (пославъ) отрядъ генерала-лейтенанта Раевскаго съ иѣсколькоими полками занять городъ Вазу, съ остальными войсками преслѣдовавъ непріятеля до киркѣ Оравайсъ, гдѣ 2-го Сентября того 1808-го года послѣдовало сраженіе, рѣшившее наѣзки участъ Финляндіи и сдѣствіемъ котораго было перемиріе при Гамле-Корлеби. Я не стану описывать подробно сего сраженія, но выведу только саѣдующіе общіе результаты: шведская армія, до 18 тысячъ простиравшаяся, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Клингспорна заняла позицію за рѣкой, предъ киркою Оравайсъ текущею, упирая правый свой флангъ къ Ботническій заливъ,

а лѣвый, простирая въ лѣсъ дремучій на дальнее разстояніе. Нашъ корпусъ простирался до 12 тысячъ человѣкъ. Мы атаковали лѣвый флангъ непріятельской и принудили шведовъ къ ретирадѣ, обойди онъ и удара въ тылъ имъ съ громкимъ барабаннымъ боемъ.

Все сїе сраженіе происходило въ чащѣ лѣса, гдѣ свалилось съ обѣихъ сторонъ до 25-ти тысячъ войска, сражавшагося густыми цѣнами стрѣлковыми. Сїе сраженіе выиграно одною храбростю солдатъ нашихъ, ибо ни генераловъ, ни полковыхъ командировъ между сими мрачными гранитами, тамъ и здѣсь разбросанными, мы нигдѣ не видѣли, да и съ ихъ стороны была бы это пустая церемонія, потому что имъ здѣсь нечего было и дѣлать. Уронъ нашъ состоялъ изъ 500 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, но шведы потеряли однimi пѣхинными больше 500 человѣкъ. Симъ достопамятнымъ для всей Финляндіи и нашей арміи сраженіемъ кончились мои военные подвиги, и я получа здѣсь сильную рану въ кисть правой руки оправился для зѣченія въ городъ Вазу.

Ваза очень хороший и пространный городъ, въ которомъ я пробылъ до 15-го октября; строеніе въ немъ прекрасное, большую частію каменное, здѣсь есть королевскій замокъ, большое трехэтажное зданіе; жители здѣшніе живутъ изобильно отъ обширной здѣшней торговли.

По выздоровленіи моемъ я отправился черезъ города Ни и Гамле-Корлеби въ кирку Кельвіо, гдѣ стоять полкъ нашъ. Государь Александъ I-й, не утвердивъ договора, по которому надлежало начаться переговорамъ о мирѣ, приказалъ силою занять всю Финляндію, а безъ того не входить ни въ какія союшенія съ шведскою арміею, сдѣствіемъ чего было вновь открытие похода, но уже сраженій не было, а графъ Каменскій фланговыми движеніями заставилъ шведовъ отступить отъ неприступныхъ почти ихъ позицій, каковы были у киркѣ Калакіоки, гдѣ мы черезъ пропасти и камни, неся съ собою разобранные лафеты и пушки на плечахъ солдатъ и перешедъ по самому тонкому льду рѣки при селеніи Каліоки ниже киркѣ того же имени верстахъ въ 12-и, обошли неприступную шведскую позицію, укрѣпленную шанцами и батареями съ глубокими валами и тѣмъ спасли жизнь иѣсколько тысячъ солдатъ своихъ. Сей труднѣйшій фланговый маршъ сдѣлали мы 26 и 27 Октября безъ куска хлѣба, будучи ободряемы личнымъ присутствіемъ графа Каменскаго, который самъ шелъ съ нами пѣшкомъ по невозможности имѣть въ семъ походѣ лошадей; при строеніи же для артиллериіи моста, гдѣ солдаты и офицеры стояли по горло въ водѣ, Каменскій отдалъ своего рома дѣвъ бутылки изнемогшимъ болѣе друз-

гихъ нашимъ солдатамъ; черта единственная въ военныхъ лѣтописяхъ! Второй подобный флаговый маршъ сдѣлали мы 2-го Ноября у кирки Тихаюки, но онъ былъ и короче и легче прежнаго; такимъ образомъ шведы, видя себя обходимыми и по дурному времени года не могши отступить безъ огромной потери, заключили съ нами конвенцію, по силѣ которой побѣдители предписали имъ маршрутъ сѣдованія за рѣку Торнео. Сія капитулациѣ, славная для насъ, заключена граммъ Каменскимъ въ Брахенштадтѣ при личномъ его свиданіи съ шведскимъ маршаломъ гравомъ Клингспорномъ. Всѣдество сего мы мало по малу начали подаваться впередъ по мѣрѣ очищенія непріятелемъ края и черезъ Брахенштадтѣ и кирки Олькюки, Сикаюки, Лиманго, Улеосало прибыли въ Улеаборгъ. Здѣсь простояли мы больше недѣли; городъ сей большой и богатый; здѣсь строится морскія суда разнаго наименованія для продажи въ чужіе края, и таковыѣ, не совсѣмъ готовыхъ, видѣть и множество стоящихъ въ заливѣ, покрытомъ уже льдомъ; сіе то и дѣлаетъ городъ сей весьма богатымъ и едва ли не огромиѣ Вазы, по крайней мѣрѣ, мнѣ онъ показался прекраснымъ городомъ. Отсюда пришелъ я на квартиры въ кирку Мухосъ, где занималъ и въ крестьянскомъ домѣ двѣ прекрасныхъ и чистыхъ комнаты. Здѣсь, размысли о всѣхъ трудахъ, ранахъ и опасностяхъ мою на военномъ моемъ поприщѣ понесенныхыхъ и весьма, весьма мало награжденныхъ, я, не виняя на домашнія мои обстоятельства, где долженъ быть вновь переносить сварливость искоторыхъ родныхъ моихъ, рѣшился подать просьбу въ отставку. Князь Сибирскій много убѣждаль меня остататься служить, обѣща ми отпускъ для излеченія ранъ, но я, видя, что другое по сѣйчашу счастію или по протекціи, менѣе меня служивъ въ сію войну, награждены много, а я остался ни съ чѣмъ, не хотѣль болѣе подвергать себя опасностямъ войны и глупостямъ начальниковъ и несмотря на его просьбу, получа весьма лестный атtestатъ отъ штабъ и оберъ офицеровъ полка своего, а отъ лѣкаря въ моихъ ранахъ, предъ 1 Января 1809-го года подать прошеніе оувольненіи меня отъ службы.

Глава X.

Ожиданіе отставки, взглядъ на Финляндию и на причины войны въ ней; отѣздъ изъ Улеаборга и прибытіе Тамбовской губерніи Шапшаго уѣзда въ сѣло Подсосенки.

Такимъ образомъ, ожидая отставки, я сдалъ роту и проводилъ время, читая книги, брань ихъ изъ малой библиотеки адъютанта Ше-

ховцева. 13-го января 1809-го года полкъ нашъ выступилъ въ кирку Іо за Улеаборгъ, куда и я за нимъ послѣдовалъ. Здѣсь провѣлъ я полтора мѣсяца въ самомъ скучномъ и праздномъ положеніи, окруженному мрачными лѣсами и даже лишенному сообщенія съ офицерами полка своего по случаю рѣдкихъ здѣсь селеній въ близости Лапландіи. Голодъ и недостатокъ всего необходимаго испыталъ я въ сіи полтора мѣсяца въ высочайшей степени, ибо довольствовался во все сіе время каждый день маленькимъ кусочкомъ коржа или черствой прѣсной лепешки и сельдями. Грусть и тоска меня одолѣвали совершенно, и я, бѣдный, доходилъ до мрачнаго отчаянія при слухахъ, что отставки мнѣ не будетъ; лишенній всякаго утѣшенія человѣческаго, я не имѣть и утѣшенія религіи, будучи воспитанъ въ наружностяхъ оной, по истинно утѣшительной внутренности ея не вѣдавшій! Въ таковомъ ужасномъ положеніи былъ я какъ бы изгнанный изъ общества человѣческаго и лишенній всѣхъ связей съ онимъ, но окружающіе меня бѣдные солдаты — игралище страстей цара своего — страдали еще болѣе меня. Лишенніе пропитанія, они скитались подобно тѣнамъ или привидѣніямъ мрачныхъ лѣсовъ здѣшнихъ. Сіи бѣдные люди, лишенніе даже и куска хлѣба и питавшіеся въ теченіе цѣлаго мѣсяца одними сельдями, возбуждавшими въ нихъ непомѣрную жажду, начали пухнуть. Я видѣть, какъ ихъ десятками отвозили въ лазаретъ! Я видѣть, какъ они въ отчаяніи бросались на лошадей, и убивая ихъ, варили себѣ изъ нихъ пищу! Я видѣть, что изъ 100 человѣкъ бывшей моей роты осталось только 20 на ногахъ, другіе вѣсъ лежали. Тогда то, а не прежде, дано позволеніе на реквизицію и бѣдные солдаты, жертва власти, начали поправляться и по свойственному русскимъ характеру вскорѣ забыли все свое горе. Проклатіе да падеть на графа Буксгевдена, бывшаго тогда главнокомандующимъ и хладнокровно взиравшаго на ужасную гибель его подчиненныхъ! Но отвратимъ взоръ отъ сей печальной картины и при окончаніи сего второго периода моей жизни, а съ нимъ и служенія моего отечеству въ службѣ военной, бросимъ блглый взглядъ на сію страну, въ которой я ратовалъ измѣй годъ, и которую я оросилъ мою кровью, какъ бы запечатлѣть тѣмъ спокойствіе ея на многія столѣтія.

Финляндія, бывшая шведскою, а теперь россійскою, предметъ желаній двора нашего отъ временъ Петра Великаго, омываема съ юга и запада Финскимъ и Ботническимъ заливомъ, на которыхъ имѣть она 14 портовыхъ городовъ, именно: Ловизу, Борго, Гельсинфорсъ, Экнесъ, Або, Нюстадтъ, Бернеборгъ, Христіанштадтъ, Вазу, Ни-Корлеби, Гамле-Корлеби, Якобштадтъ, Брахенштадтъ и Улеаборгъ, прости-

рается отъ прежней нашей границы по чертѣ у Мейшлота, Вальман-стрanda, Давыдова и рѣки Кюмени до нынѣшней границы у рѣки Торнео на 683 версты.

Всѧ поверхность ея покрыта, такъ сказать, большими и малыми озерами, рѣками и болотами; мѣстами, гдѣ онихъ иѣть, растутъ огромные лѣса, а въ частяхъ губерній Нюландской, Ваасской, Абосской и Гельсингфорской родится рожь и ячмень въ довольноемъ количествѣ; Аландскіе же острова суть житница Финляндіи. На сей то поверхности живутъ по ревизії 1809-го года 850 тысячъ обоего пола людей въ прекрасныхъ городкахъ, селахъ и деревняхъ и живутъ чисто, опрятно въ довольствѣ и покой.

Важиѣшія крѣпости финляндскія суть: Ловиза къ Швартгольмъ, неприступный Свеаборгъ, стоящій на пяти каменныхъ скалахъ выдавшихся въ море, и Тавастгустъ. Я уже сказалъ прежде о благосостояніи края сего и теперь долженъ прибавить, что оное происходитъ болѣе отъ мѣстности, но при томъ и отъ свободы здѣшнихъ крестьянъ не вѣдающихъ барщинъ или крѣпостного права, столь обременительнаго у насъ, по въ отношеніи къ силѣ государственной необходимаго и единственнаго установления. При соединеніи сего обширнаго края это заслуживаетъ большого вниманія, сверхъ коммерческихъ важиѣшіихъ видовъ, и потому, что теперь мы съ Швецію имѣемъ естественные границы, и столица наша, отстоя отъ сухотной на 933 версты, обезопасена отъ вторженія шведовъ, имѣя изъ водахъ всѣ средстія не только защищать, но и къ побѣдамъ. По примѣру римлянъ, завоеватели должны были получить славныя награды, но мы благодаря самодовольству своего царя остались ни съ чѣмъ и даже жалованье получили ассигнаціями.—Теперь взглянемъ на причину войны столь обезглавившей Александра I-го по ея началу. Силою Тильзитскаго мира тайною статью постановлено: внести Александру I-му въ пользу Наполеона 40 миллионовъ серебряныхъ рублей, принудить шведскаго короля Густава IV-го Адольфа къ признанію Наполеона императоромъ и въ вознагражденіе сего взять Финляндію, а Швецію вознаградить за сіе отдачей ей части Помераніи съ островомъ Рюгеномъ, занятыми тогда французскими войсками. Всѣдѣствіи сего начаты переговоры между Александромъ I-мъ и Густавомъ IV-мъ Адольфомъ, но въ то же время тайно проводимы были къ его границамъ наши войска такъ, что проходилъ Петербургъ ночью, тайкомъ отъ жителей, какъ и мы вносили, къ исходу Января 1808 года наше собраніе на границу до 40 тысячъ человѣкъ; между тѣмъ переговоры продолжались съ жаромъ, ибо силь-

ный духомъ Густавъ и за что на свѣтѣ не хотѣть признать похитителя Бонапарта законнымъ государемъ Франціи, а тѣмъ еще менѣе соглашался на уступку и вознагражденіе ему предложеннымъ. Среди сихъ переговоровъ, во время которыхъ Густавъ надѣлся на права народныя и оставался въ спокойномъ положеніи, вдругъ получаетъ извѣстіе, что мы 20 Февраля въ числѣ 40 тысячъ вторгнулись безъ объявленія войны въ его владѣнія! Оскорбленный симъ не только несправедливымъ, но и наглымъ поступкомъ Густавъ IV-й приказалъ арестовать пребывающаго въ Стокгольмѣ посла нашего тайного советника Алонеуса, и объявилъ войну Россіи. Безъ всякаго сомнѣнія, Густавъ въ семь случаевъ поступилъ какъ герой, достойный своей короны, не винилъ на то гибельное положеніе, въ которое поставилъ онъ свое государство сюю неравною борьбою, ибо на его сторонѣ была честь и справедливость, потому что Россія заключеннымъ 1800-го года въ Сентябрѣ трактатомъ обязывалась защищать права и неприкосновенность владѣній Шведскаго королевства, а теперь сама вѣроломно нападала на оныя.

Войска шведскія при наступлении напѣмъ получили повѣдѣніе отступать къ Улеаборгу и ихъ число тогда простидалось только до 7 тысячъ! Такимъ образомъ шведскій главнокомандующій фельдмаршаль графъ Клингспорнъ искусейшимъ соображеніемъ успѣхъ не только спасти свою маленькую армію, но и оставилъ намъ даже ни одного транспорта и ни одного хлѣбнаго магазина, увезъ все съ собою. Между тѣмъ, армія наша шла безпрепятственно впередъ, и главная колонна оной поспѣхъ иѣсколькихъ выстрѣловъ заняла на берегу Финскаго залива городъ Ловизу съ крѣпостью Швартгольмъ, подалась къ знаменитому и неприступному Свеаборгу, который и блокировали дивизіею графа Николая Каменскаго. Въ то же время другія колонны шли по берегу Ботническаго залива и заняли оный до города Вазы включительно, а правые шедшия заняли Сиволакскъ съ городомъ Тавастгустомъ и всю Карелию съ городомъ Куопіо, откуда, обратясь, преслѣдовали шведовъ черезъ Брахештадъ къ Улеаборгу. Шведскій король, изданъ манифестъ къ своимъ подданнымъ, въ которомъ изобразилъ наглое и незаслуженное нападеніе русской арміи въ сильныхъ выраженіяхъ, призывалъ ихъ къ защищать своего отечества, а между тѣмъ успѣхъ изъ Вестерботніи подкрѣпить Клингспорна иѣсколькими полками, такъ что сила его арміи возросла до 12000 и была въ состояніи на первый разъ противостоять россіянамъ, обезсиленнымъ занятіемъ крѣпостей и городовъ, на столь большомъ пространствѣ лежащихъ. Густавъ, надѣясь на твердыни Свеаборга, думалъ сильно отомстить намъ съ открытиемъ весны, но

Александр I-й действовать также неусыпно. Въ исходѣ марта явился передъ Свеаборгомъ нашъ военный министръ графъ Аракчеевъ съ кучами золота, и съ помощью главнокомандующаго и графа Каменскаго убѣдилъ Свеаборгскаго коменданта вице-адмирала графа Кронштета сдать намъ на капитулациою сюю важную крѣпость. Гарнизонъ изъ 6000 человѣкъ лучшихъ войскъ состоявшій, вышедъ на гласисъ крѣпости и видя малое число нашихъ войскъ, ибо въ дивизіи Каменскаго и 3000 не было подъ ружьемъ отъ большой убыли, при блокадѣ понесенной, съ досадою ломая ружья и крикомъ своимъ изъявлялъ свое неудовольствіе. Вида толикое негодованіе непріятеля, Каменскій велѣлъ заридить пушки и ружья, но все кончилось миролюбиво, и гарнизонъ обезоруженъ, а бесчестный Кронштетъ съ хорошимъ запасомъ червонныхъ удалился въ свои финляндскія мѣстности, равно, какъ и другіе изъ частныхъ начальниковъ Свеаборгскаго гарнизона, получившиѣ знатныя суммы за свою измѣну отечеству. Между тѣмъ какъ Свеаборгъ сдавался, маршалъ Клингспорть, сосредоточа, какъ выше сказано, искусною ретирадою свою армію и получа новое подкрѣпленіе рѣшился атаковать насъ. Онъ обратилъ вниманіе свое на нашъ отрядъ, изъ 700 человѣкъ состоящій и стоявшій на самой критической точкѣ въ отношеніи какъ Тучкова дивизіи, такъ и шведской арміи; сей то отрядъ Апрѣля 20-го атаковалъ у Револакса графъ Кронштетъ, братъ купленного коменданта, съ 3000 человѣкъ и разбилъ оный совершенно по глупости, можно сказать, осиной генерала Булатова, который не могши удержать поста своего, могъ отступить съ честю къ Брахештадту. Слѣдствіемъ сей побѣды было совершенное уничтоженіе отряда подполковника Обухова, изъ Капы въ кирку Тулькила прибывшаго, и всеобщее восстаніе Улеоборгской, Куопіоской, части Сиволакской и Вазаской губерніи, въ которыхъ не осталось ни одного батальона войскъ нашихъ. Ошибка важная во всеобщемъ планѣ была та, что 40 тысячъ войска разбили на пространствѣ 60 верстъ и привели къ точкѣ соединенія непріятеля только слабую нашу 5-ю дивизію, въ которой и 4000 человѣкъ не было подъ ружьемъ; не менѣе важна ошибка еще и въ томъ состояла, что дворъ нашъ однѣмъ походомъ надѣялся занять всю Финляндию и въ семъ предположеніи не только растянула линію арміи по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ но и лишила иныхъ частей оной совершенно сообщенія какъ напримѣръ, отрядъ полковника Вунча, на Аландскихъ островахъ поставленный. Послѣ описаннаго пораженія при Револаксѣ и Пулькиль отрядъ Булатова и Обухова, 5-я дивизія отступила къ Гамле-Корлеби, где и остановилась въ первыхъ числахъ маѣ.

Весна, открывшая заливы, дала возможность огорченному потерю Свеаборга королю Густаву IV-у напасть со всѣхъ сторонъ на нашу береговую армію, вслѣдствіе чего десантны были высланы при Або, Вазъ и Христіанштадтѣ; первый былъ разбитъ искуснымъ княземъ Багратіономъ, но Вазъ и Христіанштадтъ заняты шведами, и стоявшія на линіи нашего сообщенія известительные посты отъ Або до послѣдняго города истреблены; въ то же время умноженная сухопутная шведская армія заняла частію оной Карелію до города Куопіо, а главною силою осадили нашъ корпусъ отъ Гамле-Корлеби въ средину Финляндіи къ киркѣ Весткюлле. Совокупно съ сими побѣдами народъ финляндскій восталъ для отомщенія напавшимъ на него иностранцамъ, и истребляя всюду наши транспорты, магазейны, малые отряды и курьеровъ поставилъ всю нашу армію въ гибельную крайность! Крошки полились рѣками на морѣ и суши, и Густавъ имѣлъ удовольствіе видѣть отомщеннымъ себѣ ужасною гибелью войскъ нашихъ, ибо въ то же время и отрядъ Вунча на Аландѣ изѣть въ плѣнъ и вице-адмиралъ нашъ Бодиско бѣжалъ отъ его флота!

Александръ I-й, видя гибель своей арміи, подкрѣпилъ ону: еще двумя дивизіями пѣхоты, третьими батальонами гвардіи и резервными нашей всей арміи, которые были посанены на гребной флотъ. Всѣ сіи силы, а паче искусныхъ движеній главнаго корпуса графа Каменскаго къ исходу осени доставили намъ вновь рѣшительные побѣды, слѣдствіемъ которыхъ было прочное занятие всей шведской Финляндіи. Но сіи побѣды не поколебали духа Густава IV-го, который съ геройскимъ мужествомъ всенародно показался не признавать Наполеона государемъ Франціи. Такъ кончилась первая кампанія сей тяжкой и несправедливой войны. Въ сіе то время хитрый Наполеонъ, радуясь, что завлекъ Россію въ столь тяжкую войну, сказалъ: „я днемъ продалъ Финляндию, но купчая будетъ дорого“!

Теперь обратимся къ моему положенію. Наконецъ послѣ долгаго и тяжкаго ожиданія я получилъ мою отставку! Не такъ ли бываетъ разъ заключенный безвинно при выпускѣ его изъ тюрьмы? Я въ тотъ же день бросился къ своему шефу за паспортомъ и, получивъ оный, пустился въ Улеаборгъ въ корпусную квартиру для получения подорожной; здесь собравшись совсѣмъ и распоротившись съ храбрыми товарищами моими, которые меня вѣрно любили и провожали болѣе 20 верстъ, и пожелавъ имъ счастливо пожинать лавры, а отъ нихъ получивъ желаніе мнѣ спокойствія и счастія, 9-го марта 1809-го года пустился домой.—Домой! сказалъ я, садясь въ сани,—будетъ искать мечты брошен-

ному отъ людей человѣку! Гдѣ я не былъ, вездѣ служилъ съ ревностю, и что получиль въ возмездіе? Ничего, совершенно ничего! Итакъ пора приняться за соху тому, чыя вся почти жизнь усъяна была терниемъ. Довольно! Я былъ гонимъ въ семействѣ, гонимъ на военномъ поприщѣ, вездѣ старался быть полезнымъ и вездѣ получаль толчки, прощай Марсъ! Благою шагу въ ножны мои, беру посохъ и буду искать уголка, гдѣ бы преклонить удрученную несправедливостями, трудами и бѣдствіями главу мою. Съ сими мыслями пустился я въ дорогу, оставляя дѣтей Марсовыхъ, соединившихся въ три корпуса у Або, Базы и Улеаборга подъ начальствомъ генераловъ: Багратіона, Барклая и Шувалова для перехода въ Швецію. Яѣхалъ на кирку Индесальмы, города Куопіо, Варктаузъ, Нейшлотъ, Выборгъ, гдѣ встрѣтилъ я императора Александра I-го,ѣхавшаго въ Борго для открытия сейма всей Финляндіи, дабы утвердить и успокоить жителей ея въ неприосновенности правъ и преимуществъ ихъ, а главное ихъ дѣло состояло въ томъ, что, опасаясь при войнѣ со Швеціей видѣть возмущеніе края сего въ тылу арміи, хотѣли задобрить финляндцевъ симъ невиданнымъ еще ими церемоніаломъ и личною ласковостію нового обладателя ихъ, въ чёмъ и успѣли совершенно.

Изъ Выборга прѣѣхавъ въ Петербургъ, я пробылъ въ сей столицѣ одинъ день и оттуда черезъ Торжокъ, Вышній Волочекъ, Тверь, Москву, Подольскъ, Серпуховъ и Тулу прѣѣхавъ въ Есевокъ.

Здѣсь, отдохнувъ, пустился я по самой дурной дорогѣ и въ ростесьель черезъ Епифань, Скопинъ, Рижскъ и Сапожокъ изъ села Подсосенки матери моей покойной принадлежавшія, гдѣ она и жительство тогда имѣла и прѣѣхавъ туда благополучно, совершивъ свое путешествіе изъ 2020 верстъ безъ человѣка, одинъ одижеоненъ съ повозчикомъ.

Мать моя была довольно обрадована моимъ прѣѣздомъ и здѣсь и узналь о смерти одной особы, много зла мнѣ дѣлавшей, и возымѣла надежду на мирное провожденіе времени въ моемъ семействѣ, возымѣла напрасно, ибо послѣдствіе покажетъ, что и въ семье я ошибся.

Въ окончаніе сего второго периода моей жизни скажу окончательно и о судьбѣ знаменитаго по величию духа короля шведскаго Густава IV-го Адольфа! Приближеніе на трехъ пунктахъ сильнаго непріятеля не поколебало величіе души Густава, и онъ въ началѣ марта 1809-го года предпринималъ самъ вести армію свою на Аландъ, но въ сіе время составился противъ него заговоръ, главою котораго быль дада его,

впослѣдствіи бывшій королемъ подъ именемъ Карла XIII-го. Слѣдствіемъ сего было, въ то время какъ собирались войска на дворцовой площади для похода на Аландъ, арестованіе сего славнаго государя, произведенное въ его комнатахъ среди дня собственными его генералами! Сначала при словахъ: „Вы арестованы!“ Густавъ, обнаживъ саблю, хотѣлъ защищаться, но когда объяснили ему, что сего требуетъ армія и народъ, вида непреклонность его къ миру и признанію Наполеона онъ, остановясь, отдалъ свою саблю сказавъ: „бойтесь Бога, и повинуйтесь избранному вами государю!“ Послѣ сего начались переговоры, и хотя война продолжилась до сентября 5-го, но ведена была слабо съ обѣихъ сторонъ и миръ, подписанный въ сей день въ Фридрихсгамѣ, городѣ на берегу Финскаго залива близъ Выборга лежащаго, даровалъ прочное обладаніе всею Финляндію и Аландскими островами нашему отечеству.

